

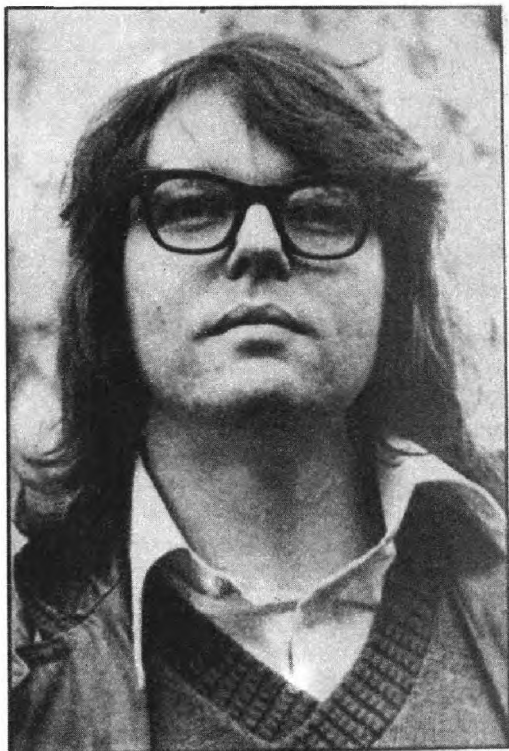
не существовал: он погиб в Париже при самых таинственных обстоятельствах. Хэмптон как бы моделирует проекцию жизни Хорвата, если бы она не оборвалась и привела его вместе со старшими коллегами в Голливуд тех времен. Печать обреченности лежит на этом герое, и смерть его в пьесе напоминает реальную гибель писателя.

Сам Хэмптон так писал о замысле пьесы: «Мне позвонил Марк Тейпер, заместитель директора «Форум Театра» в Лос-Анджелесе... Они собирались ставить пьесы, действие которых будет происходить в Лос-Анджелесе, и предложил мне написать одну из них. Среди возможных сюжетов он упомянул один, который меня мгновенно и очень сильно заинтересовал, а именно: судьба европейских эмигрантов, беженцев от фашизма... В течение десяти дней мне довелось открыть для себя все богатство специальных фондов библиотеки UCLA в Лос-Анджелесе. Я мгновенно решил для себя, что повествование будет идти от лица Хорвата. Мне удалось встретиться с Мартой Фейхтвангер... Ее память сохранила почти все подробности, и она стала для меня почти что основным источником необходимых сведений. Я побывал в Санта-Монике, в том доме, где когда-то жила Залка Фиртель... Я написал пьесу за десять недель... Мне были предоставлены помощники, для меня доставали необходимые документальные материалы, мне помогли связаться с теми, у кого мне хотелось взять интервью... Пьеса была впервые показана в великолепной постановке в марте 1982 года.

Я имел доступ в библиотеку Института Шенберга, Института Германии в Лондоне, где я листал пожелтевшие журналы и газеты. Я работал в Лондонской библиотеке. В спецфонде UCLA мне подсказали такой источник, как изумительную антологию воспоминаний, записанных на пленку, среди которых был такой уникальный документ, как интервью с Мартой Фейхтвангер, состоящее из 1750 страниц. Это интервью, подкрепленное моими беседами с ней, и явилось основным материалом пьесы».

Таким образом, «Сказки Голливуда» имеют прочную и достоверную документальную основу. Это, несомненно, сильно сказалось на стилистике пьесы, где строгая объективность причудливо сочетается с трагизмом и иронией.

Борис Львов-Анохин

Кристофер Хэмптон

Сказки Голливуда

Пьеса в двух действиях

*Перевод с английского
и сценическая редакция
Ольги Табачниковой*

Действующие лица

Эден фон Хорват.
Чарльз Мани.
Томас Манн.
Генрих Манн.
Элен Шварц.
Нелли Манн.
Залка Фиртель.
Марта Фейхтвангер.
Бертольт Брехт.
Элен Вайгель.
Хэл.
Эйнджел.

Яков Ломакин.
Арт Найсли.

Молодой человек.
Катя Манн.
Лион Фейхтвангер.
Тони Спулер.
Уолтер.

Эден фон Хорват (р. 1901) был убит 1 июня 1938 года на Елисейских полях в Париже: ему разможила голову упавшая ветка каштанового дерева, под которым он укрылся от дождя.

Его коллега, Вальтер Меринг, остановившийся в том же отеле, что и Хорват, вошел в его номер. На письменном столе стояли два недопитых стакана красного вина и лежала страница с заметками для романа «Adieu Europa» («Прощай, Европа»), который Хорват только что начал писать. Первая строка гласила: «Поэт решил эмигрировать в Америку...»

Действие первое (1938—1941)

Сцена первая

Сцену заливают какой-то странный мерцающий свет, как будто действие происходит под водой. Вырисовывается фигура мужчины лет сорока, слегка полноватого. Из-под распахнутого пальто виден хорошо сшитый двубортный серый фланелевый костюм. На голове — мягкая фетровая шляпа с узкими полями. Лицо — выразительное. Больше всего обращают на себя внимание живые, цепкие глаза. Рассматривая и как бы оценивая аудиторию, мужчина некоторое время молчит.

Хорват. Добрый день. Меня зовут Эден фон Хорват. (Пауза.) Эден... (Пауза.) Впрочем, зовите меня просто — Эд. (Молчит, наблюдая за реакцией зала.) Не нужно извиняться... пожалуйста... что имя мое вам ровно ничего не говорит. Я был довольно хорошо известен лет десять тому назад... в театральных кругах Германии. Когда нацисты пришли к власти, одна из моих пьес как раз находилась в стадии репетиции. Премьера так и не состоялась. И после этого никто не захотел ставить мои пьесы в

Германии, как я ни старался... В конце концов я перешел на прозу. Начал писать романы... Впрочем, слушать вам все это вряд ли интересно, а мне и вовсе не хочется об этом говорить. В те годы положение писателя в Германии было похоже на положение человека, который состоит в команде ватерполистов, не умея плавать. (Делает несколько шагов вдоль рампы.)

Слышен отдаленный раскат грома. Эффект «подводного царства» исчезает, и Хорват оказывается стоящим под одиноким уличным фонарем.

В тридцатые годы, а мне в то время было тоже тридцать, я много путешествовал. Мне было знакомо состояние меланхолии, которое испытываешь на железнодорожных станциях или когда в одиночестве рассматриваешь дешевые серые обои в дешевых гостиничных номерах. События тогда развивались по законам особой драматургии. Все катилось к неизбежному фатальному концу. Очень многие из моих коллег, немецких писателей, лишь с большим трудом спасли свою жизнь. Начну с того, как выбрался оттуда я... Итак...

Пауза. Вновь слышен отдаленный раскат грома.

Поднимается легкий ветер.

Я никогда не соглашался с общепринятым мнением, что кино как вид искусства погибнет от вторжения звука на экран. С другой стороны, мой опыт в этой области был слишком невелик и я еще не понимал, что там писатель и парикмахер — одно и то же. Вот почему, получив в мае 1938 года приглашение в Париж для обсуждения вопроса об экранизации одного из моих романов, я сразу согласился. Однако первым делом меня просто-напросто закинули в машину и отвезли на Елисейские поля, чтобы отправить на «Белоснежку и семь гномов». Понять связь между этим сенсационным киношедевром и моим романом было довольно трудно: я писал о политике нацистов в области образования. Да и историческая обстановка, согласитесь, была такова, что фильм мне показался неуместно радужным... Беседа после про-

смотра длилась не более десяти минут. Затем жена продюсера Сиодмака предложила подбросить меня в гостиницу на своей машине. Но вечер был хороший, и я предпочел перейти пешком. *(Идет по сцене, напевая про себя.)*

Ветер усиливается, падают первые капли дождя, переходя в настоящий ливень.

(Поднимая воротник пальто.) Ливень начался, когда я был на полпути. Ливень и гром, среди ясного неба. *(Собирается ускорить шаг.)*

Луч света выхватывает фигуру молодого человека в плаще и черных кожаных перчатках, стоящего под нависшей веткой большого дерева. Молодой человек похож на арийца: волосы почти как платина. Тускло мерцают большие темные очки. Он делает Хорвату знак приблизиться. Поколебавшись, Хорват вежливо отклоняет приглашение. Раздается оглушительный удар грома. Хорват испуганно вздрагивает, приближается к молодому человеку. Чтобы перекрыть гул ветра, ему приходится говорить очень громко.

Я встал под прикрытие огромного каштана. Это было как раз напротив театра Мариньи. Когда молодой человек со мной заговорил, я понял, что он тоже иностранец. Говорил он о погоде, местонахождении ближайшего бара, невыносимой вульгарности Триумфальной арки. И я подумал, что он, должно быть, тоже писатель. Но не успел я задать этот вопрос, как случилось нечто неожиданное, странное... Рядом с тем местом, где мы стояли, рухнуло под напором ветра дерево и обрушилось на наше. Толстая, тяжелая ветка, висевшая над головой, обломилась.

Слышен громкий треск.

Она со всей силой ударила моего собеседника по голове...

Молодой человек беззвучно падает — сначала на колени, потом плашмя. Наступает полная тишина.

Смерть наступила мгновенно. Помню, я тогда воскликнул: «И почему все так боятся нацистов? Почему не боятся ходить... по обыкновенному тротуару?»

Молодой человек исчезает в темноте.

(Делает несколько шагов в рампе. После паузы.) Я не знаю ни одной политической теории или философской системы, которая принимала бы в расчет такой неожиданный-негаданный фактор, как случай. Дело даже не в том, что, встань я на несколько сантиметров правее или левее, и та ветка убила бы меня, и я лежал бы мертвым на асфальте. Нет. Недалек был день, когда самые невероятные обстоятельства стали в самой чудовищной форме распоряжаться судьбами миллионов европейцев. Люди даже не могли понять, что с ними происходит. Кое-кто из моих друзей уехал добровольно в лагеря для интернированных... на такси! Мне же упавшей ветки на Елисейских полях было вполне достаточно... Определенные шансы у меня были. По национальности я венгр, говорил в основном по-немецки, имел венгерский паспорт и, кроме того, настоящего американского дядюшку, проживавшего в городе Лексингтон, штат Вирджиния, США. Дядюшка не замедлил выслать драгоценные бумаги, подтверждающие наше родство, и вот, в то время как толпы людей метались, пытаясь раздобыть документы, благодаря которым они могли оказаться где-нибудь вроде Мексики, Хельсинки или Шанхая, а другие тихо отсиживались в Швейцарии, или в панике садились в вагоны для скота, или принимали яд в глухих, заброшенных пограничных городишках... я, полный возбужденного оптимизма, приближался к берегам Америки...

Возникает панорама Нью-Йорка.

Перспективы в городе Лексингтон, штат Вирджиния, оказались совсем не такими радужными, как я предполагал. Мой дядюшка, человек во многих отношениях чрезвычайно приятный, был, к сожалению, отчаянным радиолюбителем, а также членом профашистской организации. Каждый вечер проходил под кошачий вой его радиоприемника: ему нужно было поймать очередную передачу о новых «гениальных» озарениях фюрера...

Панорама гаснет. Слышна каркающая речь Гитлера.

По-видимому, выход был один... А именно... я должен был уехать в Лос-Анджелес!

Вспыхивают слепящие вертящиеся огни — как в цирке.

(Проходит по авансцене.) Пока наш поезд пересекал необозримые поля пшеницы, я не переставал мечтать о легендарных встречах, которые меня безусловно ждали впереди... *(Уходит.)*

Сцена вторая

На сцене письменный стол, без единой книги, но с огромным набором телефонов. За столом сидит мужчина средних лет. Это Чарльз Мани¹. Входит Хорват.

Мани *(с трудом встает, протягивает пухлую руку)*. Привет.

Хорват *(пожимает руку, слегка кланяясь)*. Мистер Мани...

Мани. Хорошо, что нашел время забрести, Хорват.

Хорват *(морщится)*. Эден Хорват, с вашего позволения. Эден Хорват.

Мани. Что?

Хорват. Эд.

Мани. Ладно.

Телефонный звонок.

(Усаживается, берет нужную трубку.) У меня совещание... А... Привет! *(Делает знак Хорвату.)* Эд, садись. *(Бодрым голосом в трубку.)* Джек! Как дела?

Хорват садится.

Я же тебе говорил — в конце следующей недели... *(Закрывает трубку рукой.)* Говорить с этим типом все равно, что тонуть в холодном липком соусе. *(В трубку.)* Да, Джек, я ценю твоё терпение... Рад звонку. *(Кладет трубку. Несколько расстроен.)* Скажи-ка, там, в Европе, ты что, работал для Фокса?

Хорват. Работал.

Мани. Мне ребята рассказывали, что ты сочинил целую пьесу о короле Эдуарде Втором.

Хорват. Что?

Мани. Пьесу. Для сцены. Ты написал. Об Эдуарде Втором. Английском короле...

Хорват. Нет, я не писал.

Мани. То есть, как не писал?

Хорват. Так. Я не писал этой пьесы. Мани. А-а...

Пауза.

Хорват. Я знаю. Вы имеете в виду «Эдвард дер Цвайте». Нет, эта пьеса не моя. Ее написали Бертольд Брехт и Лион Фейхтвангер. Не я.

Мани. А ты к ней никакого отношения не имел?

Хорват. Никакого.

Мани *(по размышлении)*. Ты не знаешь: кто-нибудь из них, случайно, не в городе?

Хорват. Нет. Фейхтвангер во Франции, а Брехт, по-моему, в Дании.

Мани. А материал пьесы тебе известен?

Хорват. Простите... Не понял...

Мани. Ты пьесу читал?

Хорват. О, да. Это старая английская пьеса.

Мани. То есть как — старая?

Хорват. Так. Ее автор — Кристофер Марло.

Молчание. Мани соображает.

(С иронией.) И мне кажется, его тоже нет в этом городе.

Мани *(не понимает иронии, продолжает, нахмурившись, думать. После паузы)*. Есть идея.

Хорват. Какая?

Мани. Объясню. Слушай. Трудно сказать почему, но спрос на историю Англии сильно возрос. Кому-то пришла в голову мысль сделать фильм об Эдуарде Втором. Вот здесь *(подает тонкую папку)* весь необходимый материал.

Хорват. Спасибо.

Мани. Если преподнести историю таким образом, пожалуй, будет хорошо. Но вообще — твоё дело. Ты же писатель.

Хорват. Хорошо.

Молчание.

Мани *(пристально разглядывает Хорвата)*. О'кей, Эд. Я готов платить тебе сто долларов в неделю.

Хорват усталым жестом соглашается.

Половину получишь сейчас, остальную половину после того, как сделаешь работу. Пары недель тебе хватит?

Хорват. Вероятно.

Мани. О'кей. Считай, что деньги у тебя в кармане. Встретимся в конце следующей недели. *(Улыбается. Затем улыбка исче-*

¹ «Мани» («money») — в переводе с английского «деньги».

зает. Ему пришла в голову свежая мысль.) Ты по-английски пишешь?

Хорват. Не беспокойтесь. Пишу. И беру уроки.

Мани. Прекрасно!

Хорват. Я уже выучил три тысячи английских слов.

Мани. С чем и поздравляю.

Звонит телефон. Мани берет нужную трубку, слушает. Хорват встает, идет на авансцену. Свет в глубине сцены гаснет.

Хорват. Телефоны, телефоны... У них и птица есть, которая щебечет как телефон... (Другим тоном.) На той самой неделе Гитлер вторгся в Чехословакию. И местная, лос-анджелесская газета «Вэрайэти» сообщила своим читателям: «Пертурбации, затеянные Гитлером в Центральной Европе, означают потерю трех процентов доходов от проката иностранных фильмов...» Вот и все.

Сцена третья

Хорват. Мои деловые визиты были неожиданно прерваны... ибо я был приглашен на Парнас. Проездом в городе оказался лауреат Нобелевской премии Томас Мани. Он совершал турне, читая лекции о проблемах свободы или что-то в этом роде. Разумеется, мы часто встречались с ним в двадцатые годы в Германии. Но никогда не проводили вечера вдвоем.

Отель «Беверли Хиллз». В луче света — Томас Мани, наливающий себе кофе. Хорват присоединяется к нему, захватив бокал бренди.

Томас Мани. Как приятно после такого долгого перерыва получить возможность поговорить на своем родном языке. (Закуривает сигарету. Осторожно.) Скажите честно, вам понравилась моя лекция?

Хорват. Могу лишь честно признаться, что я ее не слышал.

Томас. Как?!

Хорват. Надо мной висит срок сдачи моего первого американского сценария.

Томас. Надеюсь, я не помешал?

Хорват. Кроме того, я боялся, что ваш английский язык будет слишком для меня труден.

Томас. Да, я говорю по-английски очень

хорошо. (Расслабляется, польщен.) О чем ваш сценарий, если не секрет?

Хорват. Об английском короле Эдуарде Втроем. В основе пьеса Марло.

Томас. Как интересно. А вы видели постановку Брехта?

Хорват. Нет.

Томас. Я видел. Лет пятнадцать тому назад, в Берлине. Но хорошо помню. Это было ужасно. Мне больше нравятся ваши труды.

Хорват. Ну...

Томас. Никому еще не удалось с такой силой описать, что творилось внутри третьего рейха. Как вы сумели все это разузнать?

Хорват (в затруднении). Я... поддерживал связь с теми, кто остался в Германии.

Томас. Положим, все мы делали то же самое. Но я, например, не рискнул писать про то, что там творилось. Вы смелый человек...

Хорват. Дело в том, что вначале... я довольно часто туда ездил...

Томас. Вы шутите?

Хорват. Нет, не шучу. Я даже видел, как они сжигали книги на кострах... в Берлине...

Томас. О, господи!

Хорват. Я видел ученые процессии, шествовавшие в мантиях мимо Геббельса... Я видел, как бросали пачки книг в костры... А один профессор... Бемлер... даже приплясывал. Он орал, как плохой актер: «Жгите Томаса Манна, жгите!»

Томас Мани потрясен.

Затем — речь Геббельса... «Мы являемся свидетелями пробуждения интеллекта», — говорил он. И все это я видел собственными глазами.

Томас. А ваши книги тоже жгли?

Хорват. Нет. Для этого я был недостаточно знаменит. Компенсация за незаметность!

Томас. Верно: слава — это тяжелое бремя.

Хорват. Не сомневаюсь.

Томас. Я часто задумываюсь, вы знаете о чем? Все ли мы, писатели, сделали, чтобы остановить мир на его гибельном пути к войне? Но... не будем об этом. Скажите, нет ли у вас готовой книги? Хорват. Есть. «Прощай, Европа».

Томас. Может быть, почитаете что-нибудь из нее? Мне бы очень хотелось послушать. Она с вами?

Хорват. К сожалению, нет.

Томас. Жаль, жаль...

Молчат. Создается ощущение, что Томас Мани чего-то ждет.

Хорват. Может быть... вы почитаете что-нибудь свое, для меня?

Томас. О, конечно! Если вы настаиваете. Голос у меня, правда, несколько устал после лекции... но тем не менее...

Хорват. Тогда не надо! Пожалуйста, не беспокойтесь!

Томас. Да нет, ничего. Раз вам хочется. *(Берет объемистую рукопись.)* В настоящий момент я занят Гете. Сначала я предполагал, что буду писать новеллу, но... стоит мне начать писать, как текст выходит из-под моего контроля. Я утерял завидный дар лаконичности.

Хорват. А про меня говорят, что у меня «короткий завод».

Томас. Ну, это чепуха. Итак, с чего бы мне начать? *(Перелистывает рукопись.)* В данный критический момент истории человечества может показаться преступным и безответственным, что писатель тратит столько энергии на воссоздание портрета давно умершего немецкого писателя, каким бы великим он ни был... Хорват. Но почему...

Томас. Нужно всегда следовать велению интуиции. Потребуется годы, чтобы скрытый смысл и значение произведения искусства раскрылись во всей полноте самому творцу-художнику. Не говоря о публике...

Хорват. Должен заметить, что ваша «Смерть в Венеции» имела для меня особое значение на протяжении многих лет.

Томас. Наверное, потому, что она достаточно коротка.

Хорват. Ну что вы! Вовсе нет.

Томас. Я начал работать над «Иосифом» в двадцать третьем году. Кто мог предвидеть, насколько актуальной станет со временем тема интеллигента, находящегося в ссылке? Пути искусства поистине неисповедимы! *(Открывает рукопись, надевает очки.)*

Хорват *(к зрительному залу)*. Я согласился с его словами относительно законов искусства, и он начал читать. *(Встает, идет к авансцене.)*

Фигура Томаса Манна исчезает в темноте.

Он читал свой бессмертный шедевр «Лотта в Веймаре». Сложный синтаксис, звучные переливы его лауреатского голоса привели к тому, что, к своему великому стыду, я через несколько минут уснул.

Сцена четвертая

Хорват. Я закончил сценарий в срок, и мистер Мани попросил меня прийти на следующий день. Я старался как мог, чтобы из пьесы вышел фильм. Текст, сочиненный Марло, остался почти нетронутым. Идя к мистеру Мани, я был абсолютно спокоен.

Освещается кабинет Мани, который сидит за своим письменным столом.

(Подходит.) Мистер Мани...

Мани поднимается, берет в руки объемистую папку и швыряет ее в Хорвата. Какое-то время оба смотрят друг на друга молча. Хорват — вопросительно.

Мани *(неожиданно орет)*. Что это, потвоему, такое?

Хорват *(поднимает с пола папку и начинает ее листать)*. Господи! Да это мой сценарий.

Мани. Сценарий?! *(Возбужденно ходит взад-вперед.)* Почему ты так меня подвел, а, Эд?..

Хорват. Каким образом, объясните.

Мани. Я ведь поручился за тебя, как последний болван. Ты хоть понимаешь, в каком я теперь сижу дерьме?

Хорват. Нет, не понимаю.

Мани. Ладно, Эд. Нечего трепаться. Ты у нас новичок. Надо, пожалуй, тебе вправить мозги.

Телефонный звонок.

(Берет трубку, орет). Я занят! Через пять минут! *(Швыряет трубку.)* Слушай, Эд. Я знаю — ты с английским не в ладу. С этим ничего не поделаешь. Но не до такой же степени! Что это за бред?! Хорват. Я всё списал у Марло.

Мани. Да по мне хоть из словаря Вебстера! Это не английский язык, Эд. Что угодно, только не английский. Это не сценарий, а какая-то поэма!...

Хорват. Позвольте, я вам объясню... Мани. Не позволю! Вот что я тебе хочу сказать: если хочешь, чтобы такие «звезды», как Тайрен Пауэр и Линда Дарнелл согласились прочитать сценарий, не приноси им «Гайавату»! (*Другим тоном, сочувственно.*) Я ведь тебе дал образец, Эд. Почему ты им не воспользовался?

Хорват. Какой образец?

Мани. Да тот, что я тебе дал!

Хорват. Я его выбросил. Он показался мне невероятно вульгарным.

Мани. Вульгарным?! Да ты что, Эд... Это я его написал! (*Вновь впадая в ярость.*) Вульгарным!!! Я тебя не балет просил сочинить, а сценарий принести! А ты приносишь мне дерьмо! И заявляешь, что я вульгарен!

Хорват. Насколько я понимаю, мне здесь больше делать нечего.

Мани. Да, будь ты проклят!..

Хорват. В таком случае разрешите откланяться.

Мани (*берет себя в руки*). Постой, Эд. Слушай меня внимательно. Я не знаю, чем вы там занимаетесь в Европе, Эд, и какие сценарии пропускает там Фокс. Но пойми, здесь эти рулады не пройдут.

Звонок.

(*Злобно хватая трубку.*) Это ты, Джек... Да. Слушай. У меня возникла маленькая проблема...

Кабинет Мани погружается в темноту. Хорват подходит к рампе.

Хорват (*зрительному залу*). В глубине души я не сердился на мистера Мани. Уже потом я понял, что действительно произошло. Мистер Мани выдавал, так сказать, готовый продукт. Меня он нанял за свои деньги. Предполагалось, что я буду выполнять работу, которую, по идее, он должен был делать сам... Итак, моя первая кровь в Голливуде была пролита.

Сцена пятая

Хорват. В молодости мне удалось скопить значительную сумму денег. Но все они утекли. На оплату железнодорожных билетов, такси и номеров в отелях. И я открыл, что, в отличие от многих стран Европы, в этой стране, в Америке, трудно

сохранить человеческое достоинство, не имея денег в кармане. И все же неудобства, испытываемые мною, не шли в сравнение с тем, что переживали мои друзья, застрявшие в Европе. Правительства Великобритании и Франции объявили войну Германии. Некоторые люди в Америке предпринимали героические усилия, чтобы помочь несчастным, оказавшимся в оккупированной Европе, как в ловушке. Но их шансы быстро иссякали. Чиновник по делам беженцев в Госдепартаменте США был до этого послом в Риме и вернулся оттуда под огромным впечатлением от Муссолини и в твердом убеждении, что все беженцы были глубоко подозрительными элементами, а посему их появление на территории Соединенных Штатов вряд ли следовало поощрять... Вокруг меня кипела бурная деятельность, из которой я, как ни странно, извлек для себя некоторую пользу. Был создан так называемый «Еврофильм-фонд», для того чтобы обеспечить работой нуждающихся писателей-эмигрантов. Я стал сотрудником фирмы «Братья Уорнер».

Высвечивается реклама: «The Warner Brothers». Слышна легкая музыка.

Все коридоры писательского корпуса были забиты растерянными немцами, совершенно не знавшими, что им делать.

В глубине сцены освещается фигура очень пожилого человека. Это Генрих Манн. Одинокий, сгорбившийся и растерянный, он стоит неподвижно и ждет. Поодаль — Элен Шварц, стройная, темноволосая женщина, лет около тридцати. Сидя за столиком, она пьет кофе и читает.

Хорват. В один прекрасный день, войдя в комнату отдыха, я изумился: рядом со мной стоял не кто иной, как Генрих Манн, старший брат Томаса Манна. Для меня он всегда был фигурой почти легендарной. Я пригласил его выпить чашку кофе.

Подходит к Генриху Манну. Ему шестьдесят девять лет. Держится с корректным достоинством. Он несколько полнее, чем его брат, но аккуратно подстриженные усики и круглые очки — такие же. Одет в хороший, но поношенный костюм, слишком официальный для окружающей обстановки. Он охотно следует за Хорватом, садится за столик. Хорват идет в глу-

бину сцены, возвращается с подносом, на котором две чашки кофе. Ставя чашки на столик, бросает взгляд на Элен. Их глаза встречаются. Хорват улыбается. Элен хмуро кивает головой. Хорват усаживает-ся рядом с Генрихом.

Генрих (*отпил глоток*). Этот напиток мало похож на кофе — в нашем понимании этого слова. Но знаете, в последние месяцы во Франции кофе вообще исчез.

Хорват. Франция без кофе... Трудно себе представить...

Генрих. И тем не менее я согласился бы провести остаток моих дней во Франции. (*Пауза.*) Объясните мне, пожалуйста, чего они здесь от нас хотят?

Хорват. По-моему, чтобы мы не мозолили им глаза. Впрочем, не знаю.

Генрих. Но, судя по тому, что я слышал, от нас ждут сценариев... Это верно?..

Хорват. Чисто теоретически.

Генрих. Что значит «сценарий»?

Хорват. Ну... сюжет, из которого можно сделать фильм.

Генрих. Меня без конца просят пойти на просмотр... У них называется... «скрининг».

Хорват. Да, скрининг.

Генрих. Я сижу и смотрю, что они показывают. Но не могу понять, зачем меня приглашают.

Хорват. Чтобы услышать ваше мнение.

Генрих. Я всегда говорю одно и то же: это очень хорошая работа.

Хорват. Даже если фильм ужасен?

Генрих. Да. Кроме тех случаев, когда уж совсем смотреть невозможно.

Хорват. А тогда что вы им говорите?

Генрих. Что фильм очень интересный.

Хорват. В таком случае, в моих советах вы не нуждаетесь.

Генрих. Они всегда представляют меня, как автора «Голубого Ангела».

Хорват. Понимаю...

Генрих. Вначале я объяснял, что к фильму никакого отношения не имею. Просто тридцать пять лет назад я написал роман. Фильм имеет с моим романом довольно отдаленное сходство. Но, знаете, я понял, что мои слова до них не доходят. Поэтому теперь я восклицаю: вам фильм понравился? О, я так рад! Благодарю вас...

Хорват. И правильно делаете.

Генрих. Да. Вся моя репутация в Америке стоит на точеных ногах Марлен Дитрих. Когда в прошлом месяце я появился в Нью-Йорке с моим племянником Голо, газета «Нью-Йорк таймс» приветствовала прибытие знаменитого немецкого писателя Голо Манна, вскользь упомянув, что его сопровождал дядя по имени Генрих.

Хорват. Не может быть!

Генрих. Я бы, конечно, не возражал, если бы Голо написал хоть одну книжку за всю свою жизнь.

Хорват. На вашем месте я бы не обращал на такие вещи никакого внимания. Сидел бы и писал свой роман. Ведь вы пишете сейчас роман, не так ли?

Генрих. Пишу. А вы?

Хорват. Тоже. (*Бросает взгляд на Элен. Пауза.*) Скажите, как вам удалось выбраться из Франции?

Генрих. С великим трудом. Это будет, пожалуй, самый точный ответ. (*Пауза.*) У меня был вызов в Америку, были испанская и португальская визы, но я никак не мог добиться, чтобы французы выдали мне визу на выезд. Наконец, один американец прямо заявил, что если я не поспешу с выездом, меня просто арестуют и вышлют обратно в Германию. Он довез нас до испанской границы... и мы стали карабкаться через Пиренеи.

Хорват. Господи! Как же вы все это перенесли?

Генрих. Не знаю, право. Кое-как идти я мог, но только беспрестанно падал. Если бы не Нелли — это моя жена, — я так бы там и остался... (*Пауза.*)

Вам обязательно нужно познакомиться с Нелли. Она почти лишена возможности общаться с людьми своего возраста. Все мои друзья — древние старики.

Хорват. Я буду очень рад.

Генрих. Не знаю, каким образом ей удалось достать билеты на греческий пароход. Она дралась за эти билеты, как бешеная. Это был последний греческий пароход, ушедший из Европы, прежде чем Муссолини вторгся в Грецию. (*Пауза.*) Помню гавань Лиссабона... Знаете, я никогда не выезжал за пределы Европы... Даже не пересекал Ла-Манш... Эта гавань... Если бы вы знали, как она была хороша!.. Как далеко ушедшая любовь... Видеть, как она отдаляется, отдаляется...

Тяжело. Почти невозможно пережить...
(Пауза. У него на глазах слезы.) Дочь моя осталась там. Со своей матерью, моей первой женой. Я старался как мог, но мне не удалось вывезти их из Праги. Хорват. А как ваш брат?

Генрих. Томми? Купил землю на берегу Тихого океана и строит себе дом.

Хорват. Значит, у него все в порядке? Генрих. Как вам сказать... Судно, на котором плыла его дочь с семьей, было торпедировано несколько недель тому назад. Ее и малыша, слава богу, спасли. Но зять Томми утонул.

Молчание. Элен встает и направляется к выходу. Несмотря на свое подавленное состояние, Хорват не может удержаться, чтобы не посмотреть ей вслед.

Генрих. Сколько они вам платят?

Хорват. Сто двадцать пять долларов в неделю.

Генрих. Мне тоже. (Вздыхает. Пауза.) Я знаю, мой дорогой, о чем вы думаете. Как это нам так посчастливилось...

Свет над столиком гаснет.

Хорват (встает и идет к рампе). Я думал совсем не об этом. Я думал о том, что после первой мировой войны Генрих Манн был самым известным писателем в Германии. Я старался скрыть свою печаль и ярость от того, что встретил героя прошлых дней... в бардаке.

Сцена шестая

Хорват. Мы, эмигранты, любили собираться в маленьком домике на улице Мейбери Роуд, в Санта-Монике. Домик принадлежал Залке Фиртель, которая писала для Греты Гарбо.

Медленно зажигается свет, и мы видим комнату, в которой накрыт длинный обеденный стол, стоящий по диагонали. Он выглядит весьма нарядно благодаря обилию цветов и свечей. В комнате гости. Они или стоят кучками, или двигаются от одной группы к другой. Почти все средних лет, одеты в подходящие к случаю костюмы. Среди них хозяйка — Залка Фиртель, Томас Манн с супругой Катей, Лион Фейхтвангер. Среди окружающих резко выделяется женщина лет сорока трех, ослепительной красо-

ты. Это Нелли Манн. На ней красная шелковая блуза, обтягивающая бюст. Нелли держит в руке бокал с красным вином и часто к нему прикладываетя.

Мы собрались, чтоб отпраздновать семидесятилетие Генриха Манна. Его день рождения уже прошел, но собраться вовремя не было возможности, ибо Томас Манн получал одну из своих почетных докторских степеней — на сей раз в Беркли! Вечер оказался замечательным — хотя бы потому, что я впервые встретил знаменитую Нелли Манн.

Нелли (протягивает Хорвату бокал с вином). Не откажетесь?

Хорват (берет бокал). Благодарю вас.

Нелли. По-моему, это настоящее французское вино. И где только она его достает?

Хорват. Прозит. (Пробует вино.)

Нелли (выпивает половину своего бокала). Разумеется, я не откажусь и от калифорнийского... А вы?

Хорват. Оно совсем не плохое.

Нелли. Да. Резкое и сильное. А что еще требуется? Разве я не права? (Смеется.) Все здесь ужасные снобы. Чем вы занимаетесь?

Хорват. Я писатель.

Нелли. Не может быть!

Хорват. Правда. Я — Эден Хорват.

Нелли. Судя по всему, черт побери, вы венгр.

Хорват. Обычная австро-венгерская по-месь.

Нелли. Вы меня огорчили. Когда я взглянула на вас в первый раз, я сказала себе: уж этот, слава богу, не писатель.

Хорват. Жалею, что так вас огорчил. Нелли. Вы не похожи на писателя.

Хорват. Как мило с вашей стороны, что вы пришли к такому умозаключению.

Нелли. Если бы в то время, когда я, совсем молодой, работала на Курфюрстендамм в Берлине, мне кто-нибудь сказал, что судьба меня забросит на другой конец растреклятого земного шара, да еще в растреклятую Калифорнию, и что вокруг меня будет столько писателей — черт бы их всех побрал, — я бы выбила тому предсказателю глаз.

Гости усаживаются, следуя любезному приглашению хозяйки и лакея, которого зовут Уолтер.

Все это Генриху совсем не по душе. Он страшился приближения этой даты. Мучился несколько недель. Кому понравится, когда толпы людей станут напоминать, что тебе семьдесят? Он и так, бедняга, это знает. Сорок исполнится, и то плохо. Согласны?

Хорват. А это уже камешек в мой огород...

Нелли. Неправда!

Хорват. Серьезно. Через несколько месяцев.

Нелли скептически хмыкает. К ней подходит Уолтер и что-то шепчет ей, показывая на стол.

Нелли. Хорошо. Вино есть? *(Направляется к столу.)*

Уолтер поспешно идет за бутылкой вина, и наливает ей полный бокал. Хорват стоит, наблюдая за Нелли. Остальные гости уселись. Лицом к зрительному залу, в центре, сидит Залка Фиртель. Справа от нее — Генрих, слева — Томас. Нелли садится напротив, рядом с Лионом Фейхтвангером. Марта Фейхтвангер — рядом с Генрихом.

Хорват. Я стоял и любовался ею. *(Идет к столу, останавливается, поворачивается к зрительному залу.)* После супа наша дорогая хозяйка, Залка Фиртель, собиралась угостить нас роскошным ростбифом. Однако прежде чем ростбиф появился на столе, Залка встала, собираясь произнести речь. Это была роковая ошибка.

Залка стоит, ожидая пока стихнет гул голосов. Хорват садится на том конце стола, который ближе к рампе.

Залка. Я просто хотела сказать, что для всех нас большая честь присутствовать на этом маленьком празднике, в этом доме. Я предлагаю тост за великого писателя, за нашего дорогого и любимого Генриха Манна.

Все встают, кроме Генриха. Молчание.

Нелли *(громко)*. Я хочу еще вина!..

Фейхтвангер наливает ей вина. Все садятся и опять поднимают бокалы за Генриха. Залка подает знак Уолтеру, тот делает знак кому-то на кухне. С гордым видом выплывает Тони Сплер, неся под-

нос с ростбифом. В этот момент Томас, сидящий спиной к кухне, поднимается с важным видом, достает очки и аккуратно водружает их на нос. Залка делает знак Уолтеру. Уолтер — Тони. Она останавливается как вкопанная. Томас извлекает из внутреннего кармана парадного пиджака объемистый манускрипт. Уолтер делает нетерпеливый жест в сторону Тони. Та исчезает на кухне.

Томас *(откашливается)*. Итак, праздник в конце концов состоялся. Причина, надо сказать, уже прошла, и поэтому я чувствую настоятельную необходимость о ней напомнить... Она и трогательна, и весома... Причиной служит, дорогой мой брат, твоё семидесятилетие. Оно состоялось двадцать седьмого марта, но мы не смогли отпраздновать его в тот день... Виноват был я или, вернее, моя большая занятость...

Хорват *(поворачивается к зрительному залу)*. Он говорил и говорил, а мясо на кухне шипело и пригорало... Он говорил о Гете и Ницше, о свободе, прагматизме и зле... От напряжения у нас затекли ноги и смыкались глаза. *(Отворачивается.)*

Томас. Мой дорогой Генрих! Если гений — это дар предвидения, способность предсказывать ход событий, страстно отображать будущее, тогда твои творения несут на себе печать гениальности. И если у тебя еще есть физические силы — а я уверен, что они есть, — тогда твои старые глаза еще увидят то, что ты сумел предвидеть в молодости... Я имею в виду падение тирана. *(Срывает очки.)*

Аплодисменты. Томас слегка кивает с подчеркнутой скромностью. Садится. Залка делает знак Уолтеру. Уолтер делает знак на кухню. Проходит несколько секунд, и вновь выплывает Тони с ростбифом. Но не успевает она переступить порог, как со своего стула поднимается Генрих Манн. Тони цепенеет. Генрих растерянно роется в карманах. Между Залкой, Уолтером и Тони происходит пантомимическая сцена, полная отчаяния. Наконец, Тони, багровея от ярости, исчезает на кухне вместе с ростбифом.

Генрих *(отыскав, наконец, текст своей речи)*. Благодарю вас. *(Читает.)* Мой до-

рогой брат! Как ты заметил с присущей тебе деликатностью...

Хорват (поворачивается к залу, улыбаясь). Позже мне кто-то объяснил, что они разыгрывали эту сцену с тех пор, как им обоим исполнилось по пятьдесят. А поэтому, еще более пространно, размеренным голосом Генрих произнес свой ответ... А ростбиф продолжал подгорать и сохнуть. (Отворачивается к столу.)

Генрих (кланяется, корректно и сдержанно). Еще раз благодарю вас. Нелли и я глубоко вам благодарны. (Садится, сопровождаемый аплодисментами.)

Залка вновь подает знак Уолтеру, он — на кухню. Появляется Тони с ростбифом и каменным выражением лица. Она едва успевает переступить порог, как со своего места встает Марта Фейхтвангер. Тони, не веря своим глазам, застывает на месте. Затем швыряет поднос с ростбифом Уолтеру и с рыданиями бросается на кухню. Вслед за ней уходит Уолтер, унося поднос.

Марта (невозмутимо). Я хочу провозгласить гостя за Нелли Манн, без которой сегодняшний праздник просто бы не имел места. Никто из нас никогда не забудет ее выдержку и упорство во время ужасного перехода через Пиренеи. Я хочу попросить всех вас...

Нелли встает, поворачивается к зрительному залу, спиной к столу. Одна ее рука стиснута на груди, другой она закрывает лицо. Ее плечи трясутся.

(Бросается к ней, успокаивающе похлопывает ее по руке.) О, простите, дорогая! Я не думала, что это вас расстроит...

Нелли. Расстроит?!.. (Ее душит смех, какую-то минуту она не в силах произнести ни слова.)

Рука падает, блузка расстегивается, виден красивый вышитый бюстгалтер.

Господи! Я так смеялась, что пуговица отлетела. (Хохочет.)

Гости растеряны. Залка встает, стараясь разрядить обстановку. Свет гаснет.

Сцена седьмая

Хорват (в луче света). Я продолжал работать у братьев Уорнер, постоянно

надеясь, что они не обратят на меня никакого внимания. Что они и делали, между прочим. Тем временем я открыл новый, вернее, старый способ получше выучить английский язык...

Затемнение. Пауза. Освещается комната Элен Шварц. Элен и Хорват лежат на диване.

Элен. Очень многие мужчины в Америке не любят, когда женщина зарабатывает раз в восемь больше, чем они.

Хорват. Вот глупость! Если девушка приглашает меня обедать за свой счет и возит меня на службу на своей машине, мне что — сетовать?!

Элен. Мужчины в Европе, должно быть, рассуждают по-другому.

Хорват. Да нет... Этот взгляд широко распространен и в Европе...

Элен. Тогда, значит, ты рассуждаешь по-другому?

Хорват. Боюсь, что да.

Элен. Как правило, писатели, получающие две тысячи долларов в неделю, не разговаривают с писателями, зарабатывающими одну тысячу. Те в свою очередь держатся особняком.

Хорват. Значит, и ты не похожа на других.

Элен. Я просто славная еврейская девушка, и все. Мне нравится о ком-то заботиться.

Хорват. Я знаю, что ты имеешь в виду. Я когда-то был женат на еврейке.

Элен. Женат?

Хорват. Да.

Элен. Ты никогда мне об этом не рассказывал.

Хорват. Так это было ради паспорта.

Элен. Какого паспорта?

Хорват. Я женился на Марии, чтобы дать ей возможность получить венгерский паспорт.

Элен. Понимаю. А что было дальше?

Хорват. Она им воспользовалась и уехала. Исчезла, как дым...

Элен. Скажи, ты много раз был женат?

Хорват. Да что ты! По-моему, одного раза вполне достаточно. Разве нет?

Элен. Не знаю.

Хорват. В фильмах Фу-Манчу герой говорит: «Я могу обещать тебе прекрасную, мучительную, медленную смерть...» Женитьба для меня равносильна такой смерти.

Элен. Ясно. *(Осторожно высвобождается из его объятий, встает и идет в другой конец комнаты, чтобы закурить сигарету.)* Хорват *(садится)*. Как бы там ни было, женщины всегда относились ко мне хорошо.

Элен. Совершенно не понимаю, почему. Хорват. Я тоже. *(Пауза.)* Слушай, в чем там дело с этими братьями Уорнер? Я продолжаю писать проклятые сценарии, но никто не говорит мне о них ни слова...

Элен. Ты хочешь, чтобы я тебе объяснила?

Хорват. Конечно.

Элен. Во-первых, они не любят ничего читать. А уж если читают, то только в тех случаях, когда заплатили большие деньги. Понимаешь?

Хорват. Да, но я им тоже стою денег.

Элен. Это все мелочи, Эд. Это вроде подаяния. Когда ты бросаешь нищему слепому музыканту монету, ты не рассчитываешь на то, что он тебе сыграет вариаций Гольдберга.

Хорват. Согласен. Но у меня уходит масса времени. С десяти утра до пяти вечера каждый день, плюс езда на чертовом автобусе. Так когда же мне писать то, что мне нужно? Когда?

Элен. Времени у тебя много. И знаешь, почему? Именно потому, что твои сценарии никто не читает. И на самом деле тебя это устраивает... если уж говорить на чистоту.

Хорват. Наверное, ты права.

Элен. Тогда на что же ты жалуешься?

Хорват. Я хочу, чтобы меня ценили.

Элен. Ты хочешь, чтобы они платили, ценили и при этом помалкивали?

Хорват. По-моему, это было бы справедливо. *(Улыбается.)*

Элен *(после паузы)*. Когда мне было четырнадцать лет, мои родители в Нью-Йорке повели меня на «Певец джаза». Мне это показалось отвратительным. До того сентиментально! И вместе с тем я ощутила какое-то внутреннее возбуждение... Понимаешь? Я уже знала, что хочу стать писательницей. Только еще не знала, что писать.

Хорват. Поэтому ты занялась кино.

Элен. Нет. Я просто задумалась: кино — совершенно новое искусство, с поистине неограниченными возможностями. Пожалуй, первый вид искусства, который нашел такой отклик во всех слоях общества,

интересен людям любого возраста, доступен во всех уголках земли. Теперь я не представляю себе, что могла бы работать где-нибудь еще, кроме кино.

Хорват. Понимаю, но чисто теоретически.

Элен. Жаль, что я не читала твоих пьес. Их переводили на английский?

Хорват. К сожалению, нет. Я недостаточно знаменит.

Элен. Какие они? Политические?

Хорват. Я бы не сказал, что они политические. В них нет, как это сказать... специальных тем... или марксистских идей, как у Брехта.

Элен. У кого?

Хорват. Бертольта Брехта. Это писатель. Он немного старше меня. Я пишу об обыкновенных людях, со всеми их странностями. Я пишу о жизни, что стоит в ней сожаления. Я пишу о бедняках, о невеждах, о жертвах общества, прежде всего женщинах. На меня всегда нападают левые. Говорят, легковесный пессимизм. Но сами они любят людей, людей не зная. А я знаю. Я знаю, как они ужасны, и все-таки люблю. Увы, оказывается, мои пьесы недостаточно пессимистичны.

Элен. А что говорят правые?

Хорват. Когда в Берлине состоялась премьера моей пьесы «Сказки Венского леса», один нацистский критик заявил, что даже у негров она вызовет чувство протеста.

Элен. Хотела бы я знать немецкий язык. У моего отца есть родственники в Германии.

Хорват. Да что ты? Где?

Элен. Кажется, в Дюссельдорфе. Это мои двоюродные братья и сестры.

Хорват. Они все еще в Германии?

Элен. Насколько мне известно — да.

Хорват *(с сомнением покачал головой. После паузы)*. Знаешь что? Я не встречал более красивого драматурга, чем ты.

Элен. Такие заявления вызывают у меня особое чувство.

Хорват. Особое?

Элен. Да. Я их не люблю.

Хорват. Но это правда.

Элен *(улыбается)*. Давай пойдем куда-нибудь сегодня вечером?

Хорват. Не хочется.

Элен. А что тебе хочется?

Хорват молча смотрит на нее. Пауза.

А... вот что ты имеешь в виду...

Хорват. Мне кажется, это оказывает благоприятное воздействие на мой английский язык.

Элен поднимается и, улыбаясь, уходит. Хорват встает с дивана, намереваясь последовать за ней. Внезапно гаснет свет. Он идет к рампе, пристально глядя в зрительный зал.

Сцена восьмая

Через освещенный зал медленно проходит, оглядываясь с некоторой подозрительностью и жуя дешевую сигарету, худощавый человек лет сорока трех, в очках. Он коротко пострижен, не брит, на левой щеке — шрам. На нем кепка и жакет с длинноватыми рукавами, под которым серая фланелевая рубашка с открытым воротником. Это Бертольт Брехт.

Хорват. Брехт любил, чтобы люди всегда чувствовали себя как в театре.

Брехт подходит к рампе. Свет в зале гаснет.

Разве я не прав?

Брехт молчит. Подходит к декорациям и начинает их рассматривать. Щупает кулисы, недоуменно качая головой.

Мы, разумеется, встречались в Мюнхене в начале двадцатых годов, но я никогда не был с ним близко знаком. Я всегда чувствовал в нем какую-то настороженность ко мне. Поэтому я считал целесообразным держаться от него на приличном расстоянии.

В вазе среди декораций Брехт находит яблоко. Слегка потерев его о брюки, вгрызается в него зубами. Потом, сняв кепку, начинает ею обмахиваться.

Брехт приехал прямо из Владивостока. Он выехал оттуда за десять дней до того, как нацисты напали на Россию и прежде, чем Госдепартамент сумел придумать эффективный способ не пускать беженцев в США. Так что Брехт был одним из последних эмигрантов, допущенных в Соединенные Штаты.

Брехт *(металлическим, довольно высоким и резким голосом)*. Не эмигрантов, а ссыльных.

Хорват *(удивленно поворачивается к нему)*. Что?

Брехт. Не люблю слово «эмигранты». Оно предполагает, что я покинул Германию по собственной воле. А меня выгнали. Поэтому я ссыльный.

Хорват. Ну, если вам так больше нравится...

Брехт. Вы видите яблоко?.. Оно большое, красное, блестящее... И выглядит аппетитно. Но стоит откусить, как во рту — мочало... Капиталистические яблочки все таковы. *(Швыряет яблоко на пол.)*

Хорват. Говорят, вы были в Москве?

Брехт. Был, там плохо. Остаться мы не смогли.

Хорват. Выбираться было трудно?

Брехт. Проблема в деньгах. Визы были, денег — не было. А нас — шестеро. Вайгель, дети, две помощницы... В конце концов, я пошел в издательство, где печатали Фейхтвангера.

Хорват. И редактор снабдил вас деньгами?

Брехт. Я представился как доверенное лицо Фейхтвангера, который якобы поручил мне получить причитающийся ему гонорар. И помахал при этом перед его глазами письмом Фейхтвангера. «Сколько вам нужно?» — спросил редактор. «А сколько у вас есть?» — в свою очередь спросил я.

Хорват. И на том дело кончилось?

Брехт. Конечно. Фейхтвангер очень популярен в России.

Хорват. Редактор был огорчен?

Брехт. Вовсе нет. Он был в восторге.

Хорват. И денег хватило на всех?

Брехт. Хватило. *(Пауза.)* Вы по-прежнему предпочитаете писать сидя в баре?

Хорват. Да мне как-то все равно.

Брехт. Мне рассказывали, что в Вене вас постоянно видели в кафе, куда обычно ходили одни карлики.

Хорват. Это правда.

Брехт. А почему? Вас чем-то интересовали карлики или вы хотели выглядеть оригинальным?

Хорват. Просто, сколько бы я там ни бывал — а посещал я это кафе в течение нескольких лет, — я никогда не встречал среди них ни одного нациста.

Брехт *(улыбается, снимает жакет)*. Здесь очень жарко. Терпеть не могу жару. Как вы относитесь к работе на студии?

Хорват. Скука. Бессмысленная трата времени.

Брехт. Я слышал, лучше работать внештатно и продавать им написанное.

Хорват. Разумеется, если они пожелают купить.

Брехт. Только и разговоров здесь, что о продаже. Там, дома, речь идет о крови, земле, чистоте расы... А здесь о купле-продаже. Если бы они сумели, стали бы продавать унитазу свою мочу. Я никогда не чувствовал себя таким изолированным от всего света...

Хорват. Вам здесь совсем плохо, я вижу.

Брехт. Не могу примириться, не понимаю, что я здесь делаю! Когда, бывало, читал Шелли, думал: несчастный, он умер сто лет тому назад, а вся несправедливость, о которой он писал, жива, и, может быть, стала еще хуже. Потом спрашивал себя: а нас будут читать через сто лет? И испытывать те же чувства, что сейчас испытываю я? После таких размышлений я иногда впадал в депрессию. Раньше депрессия проходила. Теперь — нет. *(Пауза)*. А у вас Ленин есть?

Хорват. Ленин?

Брехт. Я не хотел неприятностей на таможне, поэтому бросил собрание его сочинений за борт в Сан-Педро.

Хорват. Полное собрание сочинений Ленина?

Брехт. Да.

Хорват. На дно бухты Лос-Анджелеса? *(Улыбается.)* Нет, Ленина у меня нет.

Брехт *(раздраженно)*. Я это подозревал. *(Уходит через зрительный зал.)*

Сцена девятая

Хорват *(входит, обращаясь к зрительному залу)*. Однажды осенью Генрих Манн и я вернулись со студии засветло. Генрих *(печально качая головой)*. Что же нам теперь делать?

Хорват. Господи! Что-нибудь подвернется. Не надо беспокоиться.

Генрих. Не знаю, не знаю... В моем возрасте... Какая страшная профессия! Не только не получаешь пенсии, но и считаешь, что тебе повезло, если останешься цел, невредим и не вывернут наизнанку.

Хорват. Я бы тоже хотел заняться чем-нибудь другим, но, к сожалению, поздно. Ни на что больше я не способен. Судя по

всему, я родился, чтобы быть писателем.

Заскрежетали тормоза машины. Слышен глухой стук.

Генрих. Это, должно быть, Нелли.

Нелли *(входит со стаканом красного вина. Крайне удивлена, увидев мужа и Хорвата)*. Что это вы сегодня так рано?

Хорват. Не было смысла торчать там до конца.

Нелли. Новостей никаких?

Генрих. Нет.

Нелли. Чтоб твоего брата черт побрал!

Генрих. Зачем ты так. Томми лично нанес визит Джеку Уорнеру...

Нелли. Еще бы! Выкроил время между очередными визитами в Белый дом?!

Генрих. Нелли! Томми сказал, что он очень просил Джека Уорнера. Ведь это не так легко.

Нелли. А результат?

Генрих. Он говорит, что Джек Уорнер просто расхохотался ему в лицо.

Нелли *(резко протягивает вино Хорвату)*. Пейте!

Хорват *(в нерешительности)*. Хм...

Нелли. Да берите же! Мы ведь не нищие. Пока еще...

Хорват берет вино. Нелли быстро выходит из комнаты.

Генрих. Как странно. Прошло почти пятьдесят лет с тех пор, как вышел мой первый роман. Кто мог предположить, что наступит день, когда меня выбросит на улицу... Джек Уорнер...

Хорват. Но нас еще не выбросили. Просто они не собираются возобновлять контракты по фонду «Еврофильм».

Нелли *(возвращается с полным стаканом вина и бутылкой в другой руке)*. Конечно... жрали землю, будем глотать воздух.

Хорват. Похоже.

Нелли. Но все-таки что же мы будем делать?

Генрих. Придется, очевидно, подыскать квартиру поменьше.

Нелли. Мы уже однажды подыскали.

Генрих. Еще меньше.

Нелли. О господи!

Генрих. И боюсь, придется отказаться от машины.

Нелли. О, нет!..

Генрих. Нелли...

Нелли. Не могу я жить в этом нужнике без машины! За каким тогда чертом, по-твоему, я тратила время, силы и деньги, чтобы научиться ее водить!..

Генрих. У нас нет иного выхода.

Нелли. Ты знаешь, что он натворил этим летом? Какой-то американский издатель собрался напечатать одну из его книг. Обещал хорошие деньги. И только попросил сделать некоторые изменения. Всё. Ему не пришлось по вкусу какой-то пустяк. Так что, по-твоему, этот (*указывая на Генриха*) сделал? Послал всех к черту!..

Генрих (*качает головой; спокойно*). Я не для того работал всю свою жизнь, чтобы идти на компромисс.

Нелли (*смягчается*). Конечно, Хейни... Ты прав. Ты, разумеется, прав. Что они из себя представляют, будь они трижды прокляты!

Генрих смотрит на нее с благодарностью. Она улыбается, глядя на него, отворачивается.

Ну, что же, я предвижу, чем это все кончится. (*Пауза.*) Мне придется вернуться на прежнюю работу. (*Хорвату.*) Вы знаете, когда Хейни впервые познакомился со мной, я была официанткой в баре.

Хорват. Слышал.

Нелли. Неужели? Вы это слышали?

Хорват. Да.

Нелли (*с яростью смотрит на него, затем успокаивается, наливает себе еще один стакан вина и плюхается на тахту*). Вскоре после того, как мы познакомились, Хейни сказал мне: «Расскажите, пожалуйста, о вашей жизни. Я хочу знать вашу биографию». Я ответила, что лучше я ее ему напишу. И написала. Он прочел, сказал, что все написано прекрасно, и он постарается каким-нибудь образом использовать материал. На что я ответила: «Конечно, но только опубликовать и заработать кучу денег я могу сама». Он ответил: «Не сомневаюсь... но оставьте, пожалуйста, вашу рукопись у меня на время». Продержал ее несколько месяцев. Я и забыла про эту чертову биографию, как вдруг в один прекрасный день он сообщил мне, что превратил ее в роман. Отлично, заявила я, вы печатайте ваш роман, а я опубликую свои мемуары, и бьюсь об заклад, что они разойдутся

быстрее и с большим успехом. «Именно этого я и боялся,— ответил он,— поэтому и позволил себе бросить вашу рукопись в печку». Не говорите мне ничего о писателях, пожалуйста.

Хорват. Боже упаси.

Генрих. Биография была написана очень живым языком, только слишком откровенным...

Нелли. Именно поэтому она и стала бы бестселлером, старый ты дурак, и мы не оказались бы в такой труппе.

Хорват. Все так действительно и было? Генрих. Я никогда не спорю с женщиной.

Нелли. И правильно делаешь. Разве нет? (*Смеется, встает, подходит к Хорвату, чтобы налить ему еще вина.*) Послушай, ходит слух, что ты подхватил евреечку?

Генрих. Нелли...

Нелли. В чем дело?

Хорват. Я не понимаю, что вы имеете в виду.

Нелли. Может быть. Там, на студии, очевидно, не было ничего более подходящего... Так я понимаю...

Генрих. Нелли!..

Нелли. О господи! Опять ты лезешь не в свое дело!

Хорват. Благодарю вас, но меня все вполне устраивает.

Нелли. Это, конечно, важнее всего. (*Возвращается к тахте, по пути наливая себе еще один стакан. Садится, приятно улыбаясь.*) Итак, Эден, что вы собираетесь делать?

Хорват. Во-первых, встретиться с Сиодмаком в студии «Юниверсал». У него, возможно, есть что предложить. Дела там идут хорошо. (*Пауза.*) Если вам нужна моя помощь, я буду рад... Может быть, вопрос в деньгах... Я могу дать займы... Генрих. Дорогой мой! Это очень мило с вашей стороны, и мы вам очень благодарны. Но, право, мы обойдемся.

Хорват. Пожалуйста, не стесняйтесь... (*Пауза.*)

Нелли. Вот что я скажу: есть у нас деньги или нет, ваш сорокалетний юбилей мы все-таки справим. Здесь, в нашем доме!

Хорват. Но...

Нелли. Никаких «но»!.. Скажите лучше: спасибо, Нелли, как это мило с вашей стороны.

Хорват. Спасибо, Нелли.
Нелли. И чтобы показать, что все за-
быто, приведите вашу кралю.
Хорват. Не уверен, что она согласится.
Она избегает немцев.

Нелли смотрит на него несколько мгновений, а потом улыбается.

(Поднимает стакан.) Итак, за безработных!

Сцена десятая

Входит Брехт. Он тащит за собой занавес, закрывая им половину сцены. В зубах у Брехта сигара, на голове кепка. Он приносит кусок зеленого полотна и укладывает его на краю сцены. Подобно фокуснику, вытаскивает из кармана небольшую вывеску и ставит ее позади полотнища. На вывеске надпись: «Сад Брехта».

Хорват *(ставит свой стакан на стол и идет к рампе)*. Наступила зима. Пришла открытка от Брехта. Смысл его послания заключался в том, что он желал видеть меня у себя, в Санта-Монике. *(Отходит и присоединяется к Брехту, который уселся в своем «саду».)*

Брехт. Как дела?

Хорват. Идут понемногу. Получаю пособие по безработице. Восемнадцать с половиной долларов в неделю.

Брехт. Одно из чудес процветающего общества.

Угрюмо кивая, Хорват садится на «землю».

Я подумал, может быть, вы согласитесь написать вместе со мной сценарий.

Хорват. О!..

Брехт. Я работаю сразу над тремя или даже четырьмя. С разными людьми. Если нас будет двое, мы сможем слепить один сценарий за неделю. Моя идея такова: продолжать бомбардировать студию разными сценариями. В конце концов какой-нибудь да и пройдет.

Хорват. О чем фильм?

Брехт. Романтическая комедия. Два субъекта — американец и португалец — замыслили большой бизнес. Поскольку они боятся конкуренции, они изобрели для своей переписки специальный код — пишут в форме любовных посланий. Цензура — в лице молодой американки —

читает их письма с восторгом. Случайно она знакомится с одним из них. Он в нее влюбляется, повсюду за ней ходит, но не подозревает, что ей известны его любовные послания. Возникают всяческие осложнения. В конце концов все улаживается. Happy end! Вообще-то все это говно. Хотя Ингрид Вергман будет великолепно.

Хорват. Почему?

Брехт. По простой причине: она замечательная актриса.

Хорват. Как будет называться фильм?
Брехт. «Бермудский треугольник».

(Пауза.) Вот почему я и подумал: если бы мы с вами соединили наши головы... в переносном смысле, разумеется... мы могли бы сотворить что-нибудь не хуже, чем эти безмозглые ломовые лошади.

Хорват. Теоретически — да. Что-нибудь столь же скверное. Вы это имеете в виду?

Брехт. Не обязательно скверное. Например, я пишу еще один, получше, для Шарля Буайе. С Кортнером.

Хорват. А... Как он поживает? Он хороший актер.

Брехт. Очень. Но для него не нашлось здесь работы.

Хорват. Скажите, а что случилось с Каролой Нейер?

Брехт. Нейер?

Хорват. Разве она не была в Москве?

Брехт. Да, была со своим мужем...

Хорват. Я ее обожаю.

Брехт. Неужели?

Хорват. Говорили, она была вашей любовницей, когда играла в «Трехгрошовой опере».

Брехт. Да что вы!..

Хорват. Вы с ней встречались в Москве?

Брехт. Пару лет тому назад их обоих арестовали.

Хорват. За что?

Брехт. Якобы за троцкистскую деятельность в Праге.

Хорват. Что за нелепая чушь!

Брехт. Она всегда была очень наивна.

Хорват. И чем же кончилось дело?

Брехт *(качает головой)*. Насколько мне известно, она умерла.

Хорват. Какой ужас!

Брехт. Так всегда бывает с теми, кто наивен. *(Пауза.)* По-моему, они заслуживают своей участи.

Долгая пауза. Хорват встает и идет к рампе. Брехт убирает свой «сад» и объявля-

ние, направляется за кулисы. Хорват трогает его за руку. Показывает на полужакрытый занавес, как бы давая понять, что это ему не годится.

Брехт с сожалением кивает головой и отодвигает занавес, открывая гостиную в доме Генриха Манна. Уходит.

Хорват. Я был благодарен ему за приглашение сотрудничать. Этим способом он хотел выразить свою заботу обо мне. Я согласился подумать, хотя знал, что срабататься мы не сумеем. Никогда.

Сцена одиннадцатая

Хорват (*выхваченный из темноты лучом света*). В конце следующей недели японцы атаковали Пирл-Харбор. Мир театра прекрасно понимал свои обязанности и не замедлил нанести ответный удар: все представления «Чио-чио-сан» в нью-йоркской «Метрополитен-опера» были отменены; в Гринидж Вилледж был снят с репертуара «Микадо». В Голливуде были уволены все японские садовники. Итак: в воскресенье — Пирл-Харбор. В понедельник Соединенные Штаты объявили войну Японии. А в четверг мне исполнилось сорок лет.

В гостиной Генриха Манна зажигается свет. Нарядно одетая Нелли вносит поднос с бокалами и открытой бутылкой вина. Она ставит поднос, оглядывается, быстро наливает себе бокал вина, выпивает и ставит его на место. Комната заполняется гостями. Среди них все те, кто был у Залки Фиртель. Присутствуют также Брехт и Элен Вайгель — его угрюмая, худощавая жена, со впавшими щеками. Нелли шепчет что-то на ухо Генриху и выходит на кухню.

Я позвонил Нелли, чтобы спросить, состоится ли мой праздник. «А почему нет», — раздался ее голос. Было только девять часов утра, но Нелли была уже совсем пьяна. Элен заехала за мной. Она немного опоздала, наверное, нервничала перед встречей с немцами, которых так боялась.

Элен Шварц подходит к нему. Оба присоединяются к группе гостей.

Томас (*обращаясь к гостям*). Я просто не понимаю, что происходит здесь с пи-

сателями. Я имею в виду — американскими. Причем со многими. Напишут одну хорошую книгу, потом две похуже, и на том карьере заканчивается. Они просто не знают, что означает посвятить себя чему-то на всю жизнь. Захлебываются от успеха, и все.

Элен (*Хорвату*). О чем он говорит?

Хорват. Что нет настоящих писателей в Америке.

Элен. Как же так! А Фицджеральд, Хэмингуэй, Фолкнер, Дос Пассос, Стейнбек, Натаниэл Уэст!

Томас. Я не хотел обидеть вас, мисс Шварц. Я ведь могу говорить только о том, что вижу собственными глазами, отставшими от жизни и старыми.

Генрих подает Хорвату бокал вина.

Хорват. Куда делась Нелли?

Генрих. Она на кухне. По-моему, что-то вам готовит.

Хорват. Может быть, мне пойти к ней?

Генрих. Нет, нет, не надо. Наверное, это должен быть сюрприз.

Брехт (*Томасу Манну*). Я тоже не могу согласиться с вами. Если вам нужен писатель, действительно обладающий фантазией и способностью выстоять, то чем вас не устраивает, скажем, Стенли Гарднер?

Томас. Боюсь, что я его не читал. (*Отворачивается.*)

Брехт и Вайгель отходят.

Брехт (*к Вайгель, шепотом*). Я не понимаю половину того, что он говорит. У него весь рот набит деньгами.

Генрих (*подходя*). Ну так что? У англичан вроде плохо идут дела в Ливии? Это после стольких-то разговоров!

Вайгель. До чего мир дошел, если наша единственная надежда — Черчилль?

Брехт. То, что у них самое современное оружие, не имеет ровно никакого значения. Если оружие в руках самой древней и самой прогнившей аристократии мира, в цель оно не попадет.

Хорват. Да что вы! А я-то думал, единственное, на что способна английская аристократия, это попадать в цель... стреляя.

Генрих. У них нет той духовной силы, которая есть у русских. Вы слышали, как они бились в Ростове?

Брехт. Первые полосы всех газет пестрят сообщениями о японцах. Но на одной из внутренних полос «Лос-Анджелес таймс» я вчера увидел нечто поважнее. Немецкое наступление на Москву сорвалось из-за зимних холодов. Так что в тот самый день, когда величайшая индустриальная держава мира вступила в войну, до Гитлера наконец дошло, что зимы в России — холодные. С ним кончено. Этот маляр — человек конченный.

Хорват. Американцы тоже объявят войну Германии?

Томас. Конечно. По-моему, можно дать гарантию, что это произойдет на днях.

Неожиданно все замолкает. Из кухни доносится резкий громкий голос Нелли: «С днем рождения, Хорват! С днем рождения!» Гости смотрят на дверь. Нелли вносит праздничный пирог с зажженными свечами. Она — голая. Все цепенеют.

Нелли (*напевает*). С днем рождения, с днем рождения, дорогой Эден... С днем рождения! (*Подает ему пирог, который он берет неуверенно, дрожащими руками.*)

Общее молчание.

Ну, что же ты не тушишь свечи? Ты что, не собираешься их тушить?

Хорват старательно дует на свечи.

(*Кокетливо.*) А теперь загадай желание. Ты можешь загадать желание? (*Забыв о Хорвате, обращается ко всем.*) Так что вот... Пришлось мне продать все мои драгоценности, все до единой... Тогда я подумала: какого черта, а зачем вообще что-нибудь надевать? (*Поворачивается к Томасу.*) Хеллоу, маэстро! Вы ведь никогда не лицезрели свою свояченицу в таком виде, а? Ну, что ты скажешь?

Томас. Успокойтесь!

Нелли. И все? Это все, что ты сумел придумать?

Генрих (*мягко*). Нелли...

Нелли (*резко поворачивается к Генриху и смотрит на него в упор, затем переводит взгляд на Хорвата*). Если бы ты только знал, что это значит — быть замужем за таким стариком! Он такой старый! Такой старый! (*Рыдает.*)

Хорват снимает пиджак, прикрывает ее и медленно уводит в глубину сцены. Никто не двигается. Хорват возвраща-

ется, проходит мимо гостей. Они молча расходятся, тают в темноте.

Хорват. Конечно, никто из нас по-настоящему счастлив не был. Но вы, должно быть, успели заметить, что мой образ мыслей значительно отличался от образа мыслей всех других. Мне нравилось все необычное, неприглаженное. Я любил розыгрыши, экстравагантные выходки, грубоватую скабрёзность... Улицы, у которых не было конца, нравы ярмарочных площадей, веселые улыбки — при полном отсутствии надежд, — беспричинное дружелюбие и радости кочевой жизни. Короче говоря, после двухлетнего пребывания в Лос-Анджелесе я почувствовал наконец, что я дома. (*Уходит.*)

Действие второе

(1942—1950)

Сцена двенадцатая

Яркие неоновые огни. Звучит музыка из фильма «Бульвар Сансет». Возникает панорама Голливуда сороковых годов.

Хорват (*входит, улыбаясь*). Ах, Голливуд! Ах, кич! Desespoir¹. (*Рассматривает панораму.*) Эти пагоды, шато, сиреневые гасиенды! Перламутровые улыбки. Сенсационные разводы.

Панорама исчезает в темноте.

И... затемнения военных лет... (*Пауза.*) Ладно, хватит!

Освещается угол грязного бара «Спящая красавица» на бульваре Голливуд. В углу столик, заваленный бумагами. Среди бумаг — стакан красного вина. Поодаль — еще один столик, за которым сидит Эйндел, пьющая маленькими глотками «скотч» со льдом.

(*Поворачивается к зрительному залу.*)

В общем, я выкрутился. Сюдмак сделал все, что мог. Прошло немного времени, и я получил свой первый кредит. Вместе с четырьмя соавторами. Сценарий, который мы начали писать, был настоящим фильмом ужасов. Когда я работал для кино в Германии, я всегда брал себе псевдоним. Здесь это показалось бы ак-

¹ Здесь: кошмар (франц.).

том ненужного тщеславия. С театром я распрощался. У меня больше не было необходимости заботиться о своей репутации. Я приобрел целый ряд привычек. Снял меблированную комнату с раскладушкой к северу от бульвара Голливуд. Обычно спускался пешком с колма, покупал газету в киоске на углу. Завтракал в ближайшей аптеке. Потом шел дальше, садился на автобус и ехал по холмистой дороге до «Юниверсал Сити». Мне нравилось, что названия мест, которые я проезжал, звучат так шикарно, что даже самый беспросветный неудачник невольно начинал себя чувствовать на коне. Единственно, чего мне не хватало,— это тихого, спокойного уголка, в котором я смог бы работать и размышлять. Через некоторое время такой уголок подвернулся. Лучшего и придумать было нельзя. (*Широким жестом указывает на окружающую его обстановку.*) Коктейль-бар «Спящая красавица» на бульваре Голливуд. (*Идет к своему столику и отпивает от стакана.*) Я научил бармена — его звали Хэл — делать глинтвейн из горячего красного вина с корицей. Климат, конечно, не очень подходил для подобного напитка, но зато вино, которое Хэл продавал, становилось более приемлемым. Каждый глоток утолял ностальгию.

Появляется Брехт. Какое-то мгновение он с раздражением всматривается в обстановку скудно освещенного бара. Жестом указывает на выключатель. Сцену мгновенно заполняет яркий свет.

(Поднимает голову, с раздражением щуря глаза.) Зачем вы зажгли свет?

Брехт. Привычка.

Хорват *(машет рукой в сторону выключателя. Свет становится нормальным)*. Спасибо, что зашли в мой «офис»! Что вы будете пить?

Брехт. Понятия не имею.

Хорват. Хотите глинтвейн?

Брехт. О, господи! Конечно нет! Что за немыслимая идея? *(Двигает стул к столику Хорвата, садится.)*

Хорват *(бармену)*. Хэл! Стакан воды со льдом для моего друга.

Брехт *(строго осматривается)*. Как вы можете работать в таком хаосе?

Хорват. Не беспокойтесь, я знаю, что где лежит.

Брехт. А я люблю порядок.

Появляется огромный жизнерадостный Хэл. Он несет стакан с водой и кубиками льда, ставит его перед Брехтом.

Хэл *(Хорвату)*. Этот малый, я вижу, умеет экономить деньги. Ты не находишь, Эд?

Брехт. Что он сказал?

Хорват дипломатично пожимает плечами. Отдает свой пустой стакан Хэлу.

Хэл. Принести еще этого дерьма?

Хорват. Пожалуйста.

Хэл уходит. Брехт с отвращением следит за его удаляющейся фигурой.

Как идет работа?

Брехт. Как всегда. Обычная голливудская рулетка.

Хорват. Дребедень?

Брехт. Ну, конечно.

Появляется Хэл с глинтвейном для Хорвата. Потом подходит к Эйнджел, которая из-за своего столика разглядывает Хорвата и Брехта.

До чего же мне все здесь не нравится! Хорват *(оглядываясь)*. Почему? Здесь не так плохо. Лучше, чем в моей комнате. Брехт. Я имею в виду не эту забегаловку, а весь этот проклятый богом город.

Хорват. А-а...

Брехт. Я не понимаю, что мне здесь делать. Я как сосиска в банке.

Хорват. А мне начинает нравиться.

Брехт. Внешне все довольно приемлемо — и океан, и холмы, и рощи лимонных деревьев. Но стоит приглядеться, и увидишь, что на каждом дереве висит ярлык с ценой.

Хорват. Мне это совсем не мешает.

Брехт. И знаете, что самое страшное? Стоит занять место в одной очереди с проститутками, сутенерами и пройдохами, и тебя охватывает чувство надежды. Вот, что у меня стоит как кость поперек горла.

Хорват. Надежда — более распространенное чувство, чем сострадание или вера. Это неоспоримо.

Брехт. Шелли в свое время сказал, что ад должен быть очень похож на Лондон. Ха! Много Шелли знал! *(Пауза.)*

Между прочим, я понял, чем занимается весь этот народ на студии.

Хорват. Чем же?

Бре х т. А всяк своим. Один редактирует, другой вычисляет метраж, третий смотрит за тем, чтобы коричневое было действительно коричневым, четвертый проверяет шумы... Затем все эти специалисты собираются вместе и взвешивают результат своих проверок. И только после этого разрешают себе воскликнуть: «Это то, что надо! То, что надо! Начнем снимать!» А на самом деле — все дерьмо, от корки до корки. Я открыл секрет, как преуспеть в качестве сценариста.

Хорват. Поделитесь.

Бре х т. Вы должны писать плохо, очень, очень плохо, но — делать это как можно лучше.

Пауза. Хорват старается понять смысл последней фразы. Затем его лицо расплывается в улыбке.

И вообще, на кой черт нужно искусство, которое не может по-настоящему реагировать на то, что действительно происходит с людьми? Все это действует угнетающе. На днях я переделывал отдельные куски в своей пьесе. Случилось нечто странное. Понимаете? Я завяз. Впервые в жизни я на мгновение ощутил, что означает не иметь таланта.

Пауза.

Хорват. У вас ко мне какое-нибудь дело?

Бре х т. Да, я хотел поговорить с вами о Генрихе Манне.

Хорват. Что с ним?

Бре х т. Умирает с голоду.

Хорват. Не может быть!

Бре х т. Буквально.

Хорват. Мне кажется, что Томас ежемесячно посылает ему деньги.

Бре х т. Посылает какие-то крохи. Но в прошлом месяце вообще ничего не пришло. Им не хватает на еду, а когда у Генриха недавно разболелись зубы, он не смог обратиться к врачу, потому что он ему должен.

Хорват. Когда я видел Нелли в последний раз, я ей дал денег.

Бре х т. Не делайте этого. Она пропишет их.

Хорват. Это ее дело.

Бре х т. Я хочу сказать, что до Генриха эти деньги не доходят.

Хорват. Я смогу дать вам для них сто долларов. Но придется подождать до конца недели.

Бре х т. О'кей... Спасибо... Спасибо...

Хорват. Мне трудно понять, как Томас мог такое допустить!

Бре х т. А ему-то что! Греется на солнце в своих палисадниках, как старая ящерица. Купается в деньгах, имеет секретаря, слуг, пять машин. А брат прозябает здесь, с сумасшедшей женой на руках, тщетно пытаюсь заработать на кусок хлеба... У него даже нет денег на починку рваных башмаков. Генрих предвидел ход событий еще до начала той войны. Он понял, что из себя представляет фашизм, еще когда Гитлер красил стены по пивным. А Томас воспринял войну как нечто предписанное доктором Ницше. Он поддержал идею войны.

Хорват. Но ведь он изменил свое мнение.

Бре х т. Именно к этому я и клоню. Все, что он рьяно утверждает сегодня, не менее рьяно отрицалось им пять лет тому назад. Он полностью вознагражден за то, что мыслит столь же медлительно, лживо и неконструктивно, как и его буржуазная публика. А Генрих наказан за то, что на протяжении всех лет был полностью и абсолютно прав.

Хорват. В литературе мало оказаться правым.

Бре х т. В литературе? А кому теперь нужны его толстые фолианты? Разве что тяжеловесам... Как снаряд для тренировок. Томасу Манну понадобились целых три года после прихода фашизма к власти, чтобы заставить себя выступить против Гитлера! Вы знали это?

Хорват. Я не смею его за это осуждать.

Бре х т. А я смею. И осуждаю... И вам советую! (*Пауза.*)

Хорват. Так я вам дам деньги в суботу. Если не возражаете — анонимно.

Бре х т. Не возражаю. (*Смотрит на часы.*) Наверное, нам пора уходить?

Хорват. Почему «нам»?

Бре х т. Вы забыли... Комендантский час.

Хорват. А...

Бре х т. Вероятно, нам повезло, что они не распахали нас по лагерям, как японцев.

Хорват. Кого вы имеете в виду?

Брехт. Нас, немцев.

Хорват (*невинно улыбаясь*). Но я ведь венгр.

Брехт (*в недоумении хмурится, встает, протягивает руку*). Желая всего хорошего.

Хорват. До свидания.

Брехт уходит. Посидев несколько мгновений без дела, Хорват начинает рассеянно перебирать свои бумаги. Поднимает глаза и замечает Эйнджел.

Эйнджел (*улыбается*). Не возражаете, если я присоединюсь к вам?

Хорват. Будьте любезны.

Она встает, подходит к его столику, садится.

Хэл!

Появляется Хэл. Хорват показывает на ее стакан.

На этот раз мне простого красного вина.

Хэл. Оно всегда простое. (*Уходит.*)

Хорват смотрит на Эйнджел, улыбаясь.

Эйнджел. Я думала, ваш приятель никогда не уйдет.

Хорват. Я тоже.

Хэл приносит напитки и удаляется.

Как вас звать?

Эйнджел. Зовите просто — Эйнджел.

Хорват. Вы актриса?

Эйнджел. Откуда вы знаете?

Хорват улыбается.

Может быть, в чем-нибудь меня видели?

Хорват. Не исключено.

Эйнджел. У меня была целая сцена во «Вдове из Вест-Пойнта». Ее вырезали.

Хорват. Как им не совестно.

Эйнджел. Еще я играла в «Дестри снова в седле»... во всех сценах в баре...

Хорват. Вот видите. Ваше здоровье!

Пьют.

Эйнджел. А ваш друг что-то взбеленился. Что с ним?

Хорват. Да так просто.

Эйнджел. Я уж подумала: может, вы шпионы?

Хорват (*делает вид, что возмущен*). Шпионы? Да я венгр.

Эйнджел. Ух ты!

Хорват. Нет, я не шпион. Но я враг и чужестранец. А поэтому должен быть дома к восьми вечера. Комендантский час.

Эйнджел. Жаль.

Хорват. Предлагаю продолжить дискуссию у меня. (*Встает.*)

Эйнджел (*смотрит на него в некоторой растерянности*). У вас есть машина?

Хорват. Я живу рядом, вверх по склону горы.

Эйнджел. А чем вы занимаетесь?

Хорват. Работаю на студии «Юниверсал». Как и вы.

Она встает. Улыбаясь, берет его под руку. Оба выходят из бара, сопровождаемые сардонической ухмылкой Хэла.

Сцена тринадцатая

Свет на сцене меняется. Хэл за стойкой, моет стаканы. Входит Хорват.

Хэл. Хай, Эд.

Хорват. Сегодня дай, пожалуйста, красного.

Хэл. Не надо. Слишком жарко. Сегодня нужен хороший шабли.

Хорват. Когда мне понадобится твое мнение, я извещу открыткой по почте. (*Садится за столик, ворошит свои бумаги, сосредоточенно читает.*)

Хэл выходит. Слышен звук тормозов. Осторожно входит Нелли. Осматривается, но Хорвата не замечает.

Хорват. Нелли!.. (*Подходит к ней, пожимает ей руку, ведет к своему столику.*) Хэл!

Хэл (*за сценой*). Я здесь. Что подать?

Хорват. Бутылочку вина. (*Помогает Нелли сесть.*) Как дела?

Нелли (*продолжая застенчиво улыбаться*). Хорошо. У меня хорошо.

Хорват. А у Генриха?

Нелли. Тоже.

Хэл (*входит с бутылкой вина и стаканом*). Налить или пусть выдыхается?

Хорват. Убирайся к черту.

Хэл. Слушаюсь. (*К Нелли.*) Прогрессирует. (*Хорвату.*) Я вами горжусь, сэр. (*Уходит.*)

Хорват наливает Нелли стакан вина. Она его выпивает залпом.

Хорват *(наливает ей второй стакан.)*

Я слышал, было трудновато?

Нелли. Да. Было мило с вашей стороны дать деньги.

Хорват. Кто вам сказал? Я же...

Нелли. Никто. Я догадалась. *(Пауза.)*

Хорват. Брехт говорил...

Нелли. Я знаю. Он несколько преувеличивал. Чек, который послал нам Томми, затерялся по почте. А самого его не было в городе. Когда он вернулся, то написал другой чек и уплатил все долги Хейни. Только теперь они не разговаривают друг с другом.

Хорват. Отчего?

Нелли. Наверное, из-за меня. *(Наливает себе еще вина.)* Он к нам зашел. Хотел почитать еще один кусок из своего бредового «Иосифа». Такая муть. Я была на кухне и все время что-то напевала, чтобы заглушить монотонный звук его голоса. Вдруг он говорит очень громко: «Это что — собака? Собака, я спрашиваю!» А у нас нет никакой собаки. Вот я и говорю: «Нет, это я». А он кричит: «Я знаю, вам никогда не нравилось, как я пишу...» — «Почем я знаю, — ответила я, — раз вы написали такую фразу: «Как и во всех Крёгерах, в ней чувствовалась порода», у вас обязательно должен быть талант!»

Хорват. Я что-то не понимаю.

Нелли. Крёгер — моя девичья фамилия. Нелли Крёгер. Хорошее старое немецкое имя.

Хорват. А...

Нелли. В общем, он несколько приободрился и говорит: «Не знал, что вы поклонница моих «Будденброков». «Насчет поклонницы, так это вряд ли, — возразила я, — но первые четыре страницы были вполне приемлемы». *(Молчит. Пьет вино.)* На самом деле дело не в нем. Он — ничего. Все его жена... Послушай. Вот он, а вот ты, а вот Брехт. Что в вас такого уж особенного?

Хорват. Мне не хочется говорить об этом, Нелли.

Нелли. А твоя краля где?

Хорват. В Нью-Йорке.

Нелли. Да? А когда кошки нет, что делают мыши?

Хорват. Стараются ни о чем таком не думать.

Нелли. Знаешь! Если ты захочешь, ты можешь быть надутой сволочью.

Хорвату неприятны ее слова.

Ну ладно. Не огорчайся.

Хорват *(помолчав)*. Значит, теперь с финансами в порядке?

Нелли. Да. Томми делает для нас что может. Между прочим, он не так богат, как все думают. В свое время Хейни советовал ему положить Нобелевскую премию в швейцарский банк... Многие держали деньги в Швейцарии... Но он не захотел, и деньги попали к нацистам. Они ведь забрали его дом. А майор СА в Мюнхене разъезжает на его машине. *(Пауза.)* Как ты отнесешься к тому, что я нашла себе работу?... В больнице.

Хорват. Медсестрой?

Нелли. Стираю простыни. *(Пауза. Пьет.)*

Да, это кошмар. Знаю. Но по крайней мере смогла купить машину... в кредит. Хорват. Разве стоит... ради этого?

Нелли. Стоит. И вот еще что я придумала... Я назвалась Нелли Крёгер. Так что, если понадобится, я машину просто продам... и возьму другую.

Хорват. Ты что, серьезно?

Нелли. А в чем дело? Они меня не найдут. Я и адрес дала не тот... Брехта. *(Смеется сквозь зубы.)*

Хорват *(с сомнением качает головой)*. Смотри, не было бы серьезных неприятностей.

Нелли. Они всю жизнь у меня были.

Хорват *(смотрит на часы)*. Мне очень жаль, Нелли, но, по-моему, нам пора идти... Комендантский час...

Нелли. Нет для тебя никакого комендантского часа. Ты же венгр.

Хорват. Но есть для тебя.

Нелли. Я уж как-нибудь сама о себе позабочусь.

Хорват. Я довезу тебя домой.

Нелли. Не знала, что ты водишь машину!

Хорват. Все водят машину.

Нелли *(после паузы)*. Я могла бы переночевать у тебя. Не хочешь? *(С вызовом смотрит на Хорвата.)*

Хорват *(смущен)*. А как же Генрих?

Нелли. Да ему абсолютно все равно.

Хорват. Отнюдь.

Нелли. Ты-то откуда знаешь? Ведь он не твой муж, тебе не приходится с ним жить.

Хорват. Я живу один.

Нелли. К черту все эти отговорки.

Если тебе мое предложение не нравится, скажи прямо.

Хорват. Дело не в этом. (Пауза.)

Нелли. Я так одинока, Эд. (Пауза.) Ты что, хочешь, чтобы я тебя попросила? (Пауза.) Пожалуйста, Эд. (Закрывает глаза рукой, тихо плачет.)

Хорват (касаясь ее руки). Я доведу тебя домой.

Нелли (резко). Нет уж, сегодня я близко к этой лачуге не подойду.

Хорват. Хорошо. Я доведу, куда ты скажешь.

Нелли. Сама доеду. (Встает, делает пару шагов, возвращается, хватая бутылку вина и быстро выходит.)

Хорват (смотрит ей вслед. Сидит молча, размышляя; в зрительный зал). Обычно в таких случаях я не разрешал ни совети, ни сантиментам вмешиваться в мои дела. Но в этот раз передо мной возникла фигура старого одинокого человека в крохотном домишке на улице Саутсволл Драйв. Он ждал... жену.

Сцена четырнадцатая

Ясный зимний день. Хорват и Элен под руку прогуливаются по пустынному берегу океана. Слышен шум прибоя.

Элен. Я слышала записи речей Томаса Манна по Би-Би-Си.

Хорват. И что же?

Элен. Он говорил о том, что нацисты вывозили евреев из Голландии, уничтожали их в душегубках.

Хорват. Вполне возможно.

Элен. Если это так, то что же они творили с евреями в Германии?

Хорват (помедлив). Не знаю точно. Но если представить самое страшное, на что способно человеческое воображение, действительность, скорее всего, окажется еще страшнее.

Элен. Но что в конце концов происходит? Я — член антинацистской лиги, но никто, никто не говорит нам о таких вещах. Почему нас не ставят в известность? Почему никто ничего не предпринимает?

Хорват. А что, собственно, можно предпринять?

Элен. По-моему, наблюдать спокойно — значит, попустительствовать! Это так же отвратительно, как и принимать участие в подобных вещах.

Хорват смотрит в сторону, избегая ее взгляда. Она останавливается, отпускает его руку и, не двигаясь, наблюдает за ним.

Неужели тебе все равно?

Хорват. Конечно, нет. С самого начала я писал о том, что творится в Германии. Может быть, я недостаточно хороший писатель, но никто ко мне не прислушивался. Что можно сказать о ходе истории? То, что людям нравится быть свидетелями трагических катастроф.

Элен. Иногда от тебя веет таким холодом.

Хорват. Возможно, ты права. (Пауза.)

Элен. Ну а мне просто необходимо чувствовать, что я пытаюсь хотя бы что-то делать. Даже если это иллюзия. Я решила вступить в партию...

Хорват. Коммунистическую?

Элен. Да.

Хорват. Все это, конечно, хорошо. Но лично я ничего делать не буду.

Элен. Избегаешь лишних обязательств?

Хорват. Как тебе сказать... пояснее. Я хочу сохранить за собой свободу действий, право выбора. Кроме того, у меня плохой опыт вступления в партию в прошлом. Во всех смыслах.

Элен. И ты решил все бросить. Да?

Хорват. Мне кажется, писатель должен быть в стороне. Из окна лучше видно.

Элен. Но почему ты считаешь, что должен думать только о себе?

Хорват. Зачем ты задаешь мне все эти вопросы? Ты же знаешь, как важно сохранить независимость. И для работы тоже.

Элен. Знаю... Да, знаю. Но в случае с тобой дело не в выборе.

Хорват. Если бы тебя все это не устраивало, мы бы не были друзьями в течение стольких лет.

Элен. Я не имела, между прочим, в виду нас. Я говорила о необходимости выработать четкую позицию.

Хорват. Одно с другим тесно связано. В Америке все сводится к личному интересу. В Европе — это вопрос жизни и смерти.

Элен. Это не дает тебе права смотреть на всех снисходительно.

Хорват. Знаю и не смотрю. Но я также знаю, что в Европе надо стараться, чтобы каждый день не стал твоим последним днем. Я уезжал в тридцать

восьмом, до того как начались все ужасы. Но все равно, на моей совести такие вещи, что ты и не поверишь.

Элен. Кажется, догадываюсь.

Хорват. Да нет, не сможешь. *(Смотрит на море.)*

Элен. Скажи, почему, как только дело доходит до чего-то значительного, ты всегда чего-то боишься?

Молчание. Хорват продолжает идти по берегу. Постояв немного, Элен идет вслед за ним.

Хорват. Знаешь, я начал писать новую пьесу.

Элен. Правда? *(Догоняет его, берет под руку.)*

Хорват. Правда. Впервые за последние пять лет.

Элен. Это замечательно!

Хорват делает кислую гримасу.

Ты не согласен?

Хорват. Не знаю. Мне почему-то больно. Как будто учусь ходить на сломанных ногах. Но по крайней мере есть чем заняться, пока ты будешь сидеть на своих собраниях по вечерам.

Элен готова вскипеть, но потом решает оставить его слова без внимания. Они уходят.

Сцена пятнадцатая

Звучит музыка из фильма «Голубой ангел». Свет падает на Генриха Манна. Он сидит в своей крохотной гостиной, глядя в стену. Звонок в дверь. Генрих не двигается. Еще звонок. Он медленно встает, открывает дверь Хорвату, сдержанно кланяется. Музыка стихает. Слышен шум уличного движения.

Генрих *(приглашает Хорвата сесть на стул, на котором только что сидел сам)*. Спасибо, что не замедлили прийти.

Хорват. Ну что вы! Я был рад.

Генрих. Я понимаю, что в этом городе у всех мало времени.

Хорват. Чем могу быть полезен?

Генрих. Я хотел бы поговорить с вами о Нелли.

Хорват. Я...

Генрих. Я очень за нее боюсь. Я знаю, что она о вас очень высокого мнения.

Вот я и подумал: может, вы смогли бы... ей помочь.

Хорват. Каким образом?

Генрих. Я сейчас перейду к делу. Судя по всему, с ней случилась неприятность. Она наехала на легковую машину, и ее задержали. Слава богу, уж не знаю, каким образом, но они не заметили, что она была пьяна. Ее обвинили в неправильном вождении машины. Помимо этого — я не очень в курсе дела, к сожалению, — но у нее не так давно была какая-то вторая машина, и как будто не все в порядке с документами. Нелли всегда относилась к таким вещам небрежно, а тут еще трудности с английским языком... В общем, она в отчаянии... Уверена, что ее посадят в тюрьму. *(Пауза.)* Я подумал, может быть, вы ее как-нибудь успокоите? Помогите ей разобраться... Пожалуйста.

Хорват. Хорошо. Постараюсь... а где она?

Генрих. Не знаю. Сказала, что поехала на работу. Но я уверен, что она там не была всю эту неделю.

Хорват. Может быть, найти телефон-автомат и позвонить в больницу?

Генрих. Это разумно. Только я уже звонил.

Хорват. Понятно.

Генрих. Вот я и подумал: вдруг вы знаете, где она проводит время. Я ведь не знаю, насколько близко вы с ней знакомы...

Хорват. Да я... собственно, нет...

Звонок в дверь. Генрих поднимает удивленные глаза. Идет открывать дверь. Слышны тихие голоса. Входит мужчина лет сорока. Это Яков Ломакин, советский консул в Сан-Франциско.

Генрих *(входит следом)*. Познакомьтесь, пожалуйста... Эден. Эден фон Хорват. Это — Яков...

Ломакин *(с сильным акцентом)*. Яков Миронович Ломакин. К вашим услугам. Генрих. Герр Ломакин приехал из Сан-Франциско. Чем могу быть полезен? Хотите вина?

Ломакин. Спасибо. Благодарю вас, герр Манн. Может быть, мне лучше зайти в другое время? У меня к вам довольно конфиденциальное дело.

Генрих. Герр фон Хорват — очень уважаемое лицо. У меня нет от него секре-

тов. *(Хорвату.)* Герр Ломакин — советский консул.

Хорват. Боюсь, мне пора...

Генрих. О, нет прошу вас, оставайтесь.

Весь разговор проходит в быстром темпе. Наступает неловкое молчание.

Ломакин. Ну, хорошо. *(Вытаскивает из внутреннего кармана пиджака две большие пачки денег. Кладет их на стол.)* Мне доставляет большое удовольствие, герр Манн, вручить вам от имени Советского правительства определенную сумму денег в счет гонорара за издание ваших книг на русском языке.

Генрих. Я, право, не знаю...

Ломакин. Это только часть того, что вам причитается. Ваши книги, да будет вам известно, разошлись в Советском Союзе более чем полумиллионным тиражом.

Генрих. Не может быть!

Ломакин. Как я уже сказал, мы должны вам больше. Но я надеюсь, что вы согласитесь принять пока что вот эту сумму.

Генрих. Вы потрясли меня! Ваш народ ведет такую жестокую войну, а вы...

Ломакин *(поднимает руку, прерывая его)*. Прошу вас... Для меня это большая честь. *(Хорвату с улыбкой.)* Герр фон...

Хорват. Хорват...

Ломакин. Тоже писатель?

Хорват. В основном, драматург.

Ломакин. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, ваши пьесы в Советском Союзе не шли.

Хорват. Нет, нет.

Ломакин. Значит, я прав.

Слышен звук ключа, вставляемого в замочную скважину.

Нелли *(застывает на пороге)*. Это что — полиция?

Генрих *(спешит к ней)*. Нет, нет. Это — Эден... а этот джентльмен — советский консул. Герр Ломакин... Моя жена Нелли.

Ломакин *(с поклоном)*. Enchanté¹.

Нелли *(Генриху, тихо)*. Что ему нужно?

Генрих. Он принес нам деньги. *(Показывает на стол.)* Мой русский гонорар.

Нелли. Что? *(Смотрит не веря своим*

глазам.) Господи! *(Бросается к Ломакину и целует его в обе щеки.)* Это вам за Сталинград.

Ломакин *(смущен)*. Благодарю вас, мадам.

Нелли. Ваш народ творит настоящие чудеса.

Ломакин. Мы думаем, что это будет поворотным моментом в войне.

Нелли. Один бог знает... Прошлый год, казалось, был самым печальным в моей жизни... этот еще хуже... но вы, русские, вы так держались все это время... Это нас всех воодушевляло.

Хорват несколько растерян.

Ломакин *(в восторге)*. Вы очень добры... Я очень признателен вам, мадам.

Нелли. Нет, нет! Это мы должны быть благодарны. Хотите выпить?

Ломакин. Благодарю вас, фрау Манн. Не могу. У меня дела...

Нелли. Я прошу вас... Не церемоньтесь.

Ломакин. Нет, право же. Я очень рад... До свидания.

Генрих. Я провожу вас до машины.

Ломакин. Не надо, не надо!... Спасибо.

За мной, как правило, следит ФБР. Сегодня, мне кажется, удалось от них улизнуть, на всякий случай я всегда оставляю машину за два, а то и за три квартала. Я не хотел бы поставить вас в затруднительное положение.

А посему — до свидания! *(Пожимает всем руки. Уходит.)*

Нелли *(берет пачку денег)*. Сколько здесь?

Генрих. Потом, дорогая. У нас гость.

Нелли. Ну и что же? Давно не виделись, как поживаете, Эден... Хотя, поождите, сейчас вернусь. *(Бросает деньги и убегает на кухню.)*

Генрих делает Хорвату знак молчания.

(Возвращается с бокалом красного вина.)

Ну так что... Хейни рассказал, что произошло?

Хорват. Да.

Нелли. Вы хотели бы сказать, что все это предвидели.

Хорват. Нет, не хочу.

Нелли. А что же вы желаете сказать?

Хорват. Не знаю... Я... ваш муж сказал, что вы крайне обеспокоены всей этой историей.

Нелли. Вас это удивляет?

¹ Счастлив *(франц.)*.

Хорват. Можно ли... то есть... у вас есть адвокат?

Нелли (*дружелюбно*). Слушай, убирайся ты отсюда! Да поскорее! Дай нам спокойно сосчитать деньги!

Генрих. Ну что ты опять, Нелли!

Хорват. Ничего, ничего. Она права. Боюсь, что помочь ей мне нечем... (*Поворачивается и быстро идет к рампе. В луче света, один.*) В ту ночь Нелли приняла большую дозу снотворного. Ее отвезли в больницу, где ей сделали промывание желудка. Появиться в суде она не смогла. Генрих постарался, как мог, уладить дело. На какое-то время Нелли оставили в больнице.

Сцена шестнадцатая

Хорват. В наступившем новом году наметился ряд сдвигов к лучшему. Прежде всего и самое главное — в моей карьере. На какое-то короткое время в моду вошли антифашистские фильмы. Сиодмаку удалось убедить кого-то на студии «Юниверсал», что мой роман мог бы стать отличным материалом для сценария. Я получил возможность переехать в другую квартиру, состоящую уже из двух комнат. Купил себе черный «Студебеккер» довоенного выпуска. Довольно выносливая машина, надо сказать, если учесть мой сугубо специфический способ вождения. Но, самое главное, появилась возможность писать сценарии серьезно. Все это, разумеется, нельзя было сравнить с невероятным возбуждением от того, что фортуна повернулась наконец против Гитлера. Перспектива предстоящего мира вызвала жесточайшие ссоры между эмигрантами.

Освещается комната в квартире Залки Фиртель. Здесь Генрих и Томас Манны, Брехт, Фейхтвангер, еще три или четыре человека — одни мужчины. Идет бурная дискуссия. Хорват наблюдает за всем молча, нахмурившись. Неохотно присоединяется к собравшимся.

Томас (*держит в руке лист бумаги*). Мне кажется, начало резковато. Нельзя ли придумать нечто более нейтральное?

Брехт. По-моему, весь сыр-бор возник из-за упоминания Советского Союза!

Томас. Конечно. По-моему, совсем неразумно писать о Советском Союзе в самом

первом предложении. Поверьте, американцам это не понравится. И вообще, стоит ли упоминать о России?

Брехт (*громко вздыхает*). Скажите, пожалуйста, как мы можем откликнуться на инициативу, исходящую от Советского Союза, не упоминая о том, на что откликаемся? Когда день и ночь на заснеженных полях под Смоленском идет бой за достоинство человека...

Томас. Не хотелось бы создавать впечатление, будто я враждебно отношусь к России. Напротив. Я записал пластинку для частей Красной Армии, поздравил их со славными победами.

Брехт. Я думаю, им бы пришлось больше по душе, если бы вы спели им «Лили Марлен».

Томас. Давайте вернемся к делу.

Брехт. Хорошо. Если вам нужен другой вариант, напишите его, а мы обсудим.

Генрих. Мне не очень нравятся слова «гитлеровский режим и те, кто его поддерживает». Как-то не очень складно... Вам не кажется? И потом немного туманно... Почему бы нам не сказать: «гитлеровский режим и корпорации»?

Томас. Не думаю, что это будет разумно. Кстати перед моей речью в «Медисон Скуэр Гарден» вице-президент представил меня, он ясно дал понять, что всякая критика в адрес корпораций...

Генрих. Ну, хорошо.

Брехт (*бормочет*). И да поможет вам бог...

Томас. А что если написать: «гитлеровский режим и те преступные элементы, которые его поддерживали?»

Генрих. Продолжи, пожалуйста, свою мысль. (*Пауза.*)

Хорват. Может быть, пригласить дам? Брехт. Зачем?

Хорват. Они сформулируют все как надо в течение десяти минут.

Томас (*после паузы*). Мне кажется, никто не станет возражать против следующего (*читает*): «В этот момент, когда близится победа союзных наций, мы, нижеподписавшиеся немецкие писатели...»

Хорват. Немецкие?

Брехт. Писатели? (*Пауза.*)

Томас. «Мы, нижеподписавшиеся писатели, ученые и художники немецкого происхождения, считаем своим долгом публично заявить...» Ну как?

Брехт. Восхитительно.
Томас. Возражения есть?

Все молчат.

Ну, что же, Хорват. Раз вам так хотелось пригласить дам, пожалуйста. Мы проверим текст письма на них.

Хорват выходит.

Генрих. Знаешь, что мне кажется, Томми? Гора родила мышь.
Томас (*невозмутимо*). И мыши бывают к месту.

Возвращается Хорват с Нелли и Катей Манн, Элен Вайгель, Залкой Фиртель и Мартой Фейхтвангер. Все тихо приветствуют друг друга. (Откашливается, берет текст, читает.)

«В этот момент...».

Нелли (*хохочет, указывая на письмо*). Это все, что вы сочинили за четыре часа? Иезус Мария и святой Иосиф... И после этого вы называете себя писателями?

Томас (*с болью*). Нелли, я прошу вас...

Она с трудом берет себя в руки. Наступает молчание.

(Откашливается, продолжает читать.)
«В тот момент, когда близится победа союзных наций...». (*Его голос постепенно затихает.*)

Группа гостей исчезает в темноте. Хорват (идет к рампе). Да, для меня всего этого было вполне достаточно. Пока он читал, я воспользовался моментом и, как говорится, смылся. Проходя по Вествуд Виллидж, вспомнил, что письмо я так и не подписал...

Сцена семнадцатая

Хорват (*в луче света*). Не успел я встать с постели на следующее утро, как услышал, что кто-то настойчиво стучит во входную дверь.

Стук продолжается. Освещается скромная гостиная в квартире Хорвата. Вздыхая с некоторым раздражением, он открывает дверь. Входит Брехт. Молча идет в гостиную, разворачивая по пути большой плакат. Помещает его на видном месте.

Хорват (*читает вслух*). «Пути двух дра-

матургов разошлись». (*Вопросительно смотрит на Брехта.*)

Брехт. Вы никогда не догадаетесь, что выкинула эта старая змея...

Хорват. Какая змея?

Брехт. Он позвонил Фейхтвангеру сегодня утром и попросил снять его подпись.

Хорват. Вы имеете в виду Томаса Манна?

Брехт. Когда собираешь людей, знай, что ты хочешь им сказать. Например: нельзя отождествлять Гитлера с Германией. Мы призываем наших товарищей в Германии подняться против Гитлера. Ладно. Но беда заключается в том, что председательствует на нашем собрании выжившая из ума чистоплужная старая дева, которая битый час ходит вокруг да около, а после этого на следующее утро звонит и говорит: «О, господи, это письмо, я боюсь, написано в несколько излишне резком тоне, поэтому, будьте добры, снимите мою подпись».

Хорват. А он объяснил причину?

Брехт. Судя по всему, у Рузвельта возникла некая безумная идея послевоенной капиталистической Германии. Томас Манн — идеальная кандидатура на пост президента. Ну, разумеется, он скромно отказывается, но суть-то дела в том, что он боится обидеть Госдепартамент. Он также заявляет: рано объявлять о своей поддержке немецкого народа. Мы не знаем, какие ужасы могут быть раскрыты в будущем.

Хорват. Это не лишено смысла.

Брехт. А по мне, это ни что иное, как хитроумная уловка.

Хорват. Вообще говоря, история с немецким народом не так проста. Они ведь много голосов подали за Гитлера.

Брехт. Я вообще не очень положительно отношусь к выборам.

Хорват. Это другой вопрос.

Брехт. Нет. Моя единственная претензия к немцам состоит в том, что целых тридцать лет безо всякого насилия со стороны двадцати эсэсовских дивизий они упорно продолжали читать Томаса Манна.

Хорват. С Томасом Манном все в порядке. Жаль только, что он уверен в справедливости своих аналитических умозаключений.

Брехт. Между прочим, вы тоже смылись, не подписав эту чертову бумажку.

Хорват. Кофе не хотите?

Брехт. С удовольствием.

Хорват достает кофейник и чашки, наливает кофе. Брехт закуривает, берет свою чашку, кладет очень много сахара.

Хорват (*морщится*). Как вы можете курить эту гадость?

Брехт. Эту? Да это сигары «Эль Капитан Корона»! Мне присылают их из Нью-Йорка.

Хорват. По вашему заказу?

Брехт. Да. Они — одно из моих орудий производства.

Хорват. Дела ваши получше, да? Я видел ваш фильм для Ланга. Мне многое понравилось.

Брехт. Дерьмо. Они меня обвели вокруг пальца. А что случилось с вашим фильмом у Сиодмака?

Хорват. Мы опоздали. Судя по всему, они перестали выпускать антифашистские фильмы.

Брехт. Вот видите! И в театре то же самое. Одна и та же лавочка везде.

Хорват. Я с театром не знаком.

Брехт. Все так примитивно, безвкусно. Вообще, если брать режиссуру, то есть только Чаплин и я. (*Пауза. Вынимает из внутреннего кармана лист бумаги.*) Ну так что же с подписью? (*Подает бумагу Хорвату.*)

Хорват. Я действительно забыл ее подписать вчера вечером. Мне так захотелось отсюда выбраться. Но сейчас... я вот смотрю... Ведь никому не интересны мои мысли... и мне, в сущности, тоже не интересны. (*Возвращает бумагу.*)

Брехт. Значит, вы тоже струсили?

Хорват. Нет. Просто не вижу смысла. Все это, по-моему, никому не нужно.

Брехт. Ничего не делать так же скверно, как и становиться на сторону фашистов.

Хорват. Знаю. На моей совести есть вещи похуже, чем сегодняшней отказ поставить подпись. Но ведь это мое дело. Не так ли?

Брехт. Ну что же. Все это подтвердило мои худшие опасения насчет вас. Теперь я понимаю, почему, хоть вы и талантлив, но все, что вы делаете, — мерзость!

Хорват пожимает плечами.

Брехт. Ваша пассивность отвратительна. Как вы не понимаете, что в театре нельзя больше ограничиваться показом действительности. Действительность надо менять!

Хорват. По-моему, вы недооцениваете человеческий разум. Людям не нужны лекала, они устали от инструкций. С утра до ночи их учат, как им поступить. Они не желают слушать поучения в театре. Не для того они туда ходят. Они хотят, чтобы театр изображал их такими, какие они есть.

Брехт. Самый легкий выход из положения.

Хорват. Отнюдь. Легко лишь лгать. А говорить правду всегда трудно.

Брехт. Перестаньте упражняться в метафизике. И вообще, в этой стране метафизике не место. Здесь морг для человеческого разума. Вы знаете, чем я теперь занимаюсь, чтобы элементарно сохранить рассудок? Пытаюсь перевести «Коммунистический манифест» гекзаметром. Для того чтобы иметь контакт с чистым разумом в этом аду, где только идиотов принимают за нормальных людей.

Хорват. Я никогда не мог понять, почему любовь ко всему человечеству так часто сопровождается глубоким отращиванием к индивидууму. У вас есть суждение на сей счет? Что касается так называемых идиотов, они всегда мне были по душе. Послушайте, вот вы были в Советском Союзе... Как там относятся к тем, кто ведет себя не так, как все?

Брехт. Должен вам сказать, что это одна из самых эксцентрических попыток защитить капитализм, которые я когда-нибудь встречал. Вы что, ищете подходящую страну для инакомыслящих?

Хорват. Вообще — да.

Брехт. Понятно.

Хорват. В конце концов, разве цивилизация не зависит от того, с каким вниманием мы относимся к чужим страданиям?

Брехт. Цивилизация? Нет, это все равно, что выбирать между тремя вилками и четырьмя сортами вина.

Хорват. Наверное, будет лучше остаться при своих мнениях и уважать их.

Брехт. О, господи! Ничего скучнее не слышал за всю неделю. Если вам угодно, можете уважать мое мнение. Я ваше — презираю.

Хорват. Вы, как видно, любите выигрывать спор.

Брехт. Значит, я выиграл? И продолжать, по-видимому, бесполезно.

Хорват. Вот это уже по-американски.

Брехт. Я пошел. *(Поворачивается к двери.)*

Хорват *(показывает на плакат)*. Захватите это с собой, пожалуйста.

Брехт срывает плакат, свертывает его в трубку, берет под мышку и уходит.

(В зал.) Больше мы не встречались.

Свет гаснет.

Сцена восемнадцатая

Гостиная Генриха Манна. В кресле, свернувшись клубком, сидит Нелли. Она выглядит ужасно. Генрих очень постарел, вид у него измученный. Входит Хорват, садится. Все молчат.

Генрих. Я не знаю, что делать. Просто голова идет кругом.

Хорват. Я не очень понимаю, что случилось?

Генрих. Она... Я вам говорил... права... машина...

Нелли. Я в состоянии сама все рассказать... Я, между прочим, нахожусь здесь, в комнате.

Генрих. Хорошо, хорошо.

Нелли. Я чуть с ума не сошла. Мне нужно было увидеть одного человека... Это было на прошлой неделе. Я вышла из дому, взяла напрокат машину и поехала. На обратном пути врезалась... на перекрестке. Исключительно по своей вине. Они проверили и заявили, что я пьяная. Я действительно была пьяная. И на заднем сидении стоял ящик вина. Короче — суд в понедельник. Они меня отправят в тюрьму, я знаю.

Хорват. Да нет.

Нелли. Почему вы так думаете?

Хорват. Не думаю, я уверен.

Нелли. Ведь здесь везде, как в тюрьме. Для меня этот город как огромная тюрьма... на свежем воздухе... будь она проклята. Что же я буду делать в настоящей тюрьме?

Хорват. Нелли, поспешные выводы никогда не приносят пользы.

Генрих. Я все время это твержу. Не

нужно раньше времени затягивать петлю на шею.

Нелли. Она затягивается сама.

Хорват. Надо как следует все обдумать.

Я уверен, можно что-то предпринять.

Генрих. Конечно, конечно же. Можно многое сделать.

Нелли. Слушай, не повторяй за ним, как попугай, Хейни. У меня разболится голова.

Генрих. Не забывай, к брату прислушивается сам президент.

Нелли. Эден, я завела себе любовника... Он совсем мальчик...

Генрих. Извините, пожалуйста. *(С трюдом поднимается и выходит.)*

Нелли. Мне не следовало сюда приезжать, не следовало. Все они смотрят на меня свысока, все как один. Кроме тебя, Эден. И Хейни, разумеется. По их мнению, я недостойна Хейни.

Хорват. Я уверен, что на самом деле все не так.

Нелли. Нигде я не была по-настоящему счастлива. Только в Берлине. Меня не интересовало, кто чем занимается, мне было на все наплевать. Я подавала напитки, и я решала, пойти с кем-нибудь переночевать или нет. Мне не нужно было оттуда уезжать.

Хорват. Зачем же вы уехали?

Нелли. Никто не относился ко мне так, как Хейни. Однажды мне пришлось в голову, что важнее его отношения ко мне ничего нет и быть не может. Я взяла и уехала. Отправилась его искать.

Хорват. И правильно сделали.

Нелли. Нет... нет... Одной доброты мало, Эден... Доброта — еще не все, правда же. Иногда так хочется чего-нибудь еще! Хорват. Понимаю.

Нелли. Не могу я жить без этого мальчика... хотя он... Знаешь, я перенесу все... ты меня понимаешь?.. Как бы точнее выразиться...

Хорват. Успокойтесь...

Нелли. Я перенесу любые унижения...

Хорват. Не советую.

Нелли. Ничего на меня не действует...

Хорват. Да...

Нелли. Ни его грубость, ни его безразличие...

Хорват. Бросьте все это... Не надо, Нелли... Найдите кого-нибудь еще.

Нелли. Было время, знаешь, когда все, поголовно все за мной увивались...

Хорват. Не сомневаюсь.

Нелли (*проягивает к нему руку*). Помоги мне.

Хорват (*берет ее руку, молчит. Потом встает и идет к рампе*). Помочь ей я не мог. Никто уже не мог. Перед моим уходом Генрих сообщил, что выбросил из дома все снотворное. Но она его перехитрила.

Нелли идет к письменному столу Генриха, наливает стакан воды из графина, открывает ящик стола и вынимает флакон таблеток. Торопливо глотает их пригоршнями, затем швыряет флакон в мусорную корзину и ложится прямо на пол, свернувшись клубком. В комнату возвращается Генрих, бросается к Нелли, опускается перед ней на колени. Вспыхивает яркий, слепящий свет. Генрих пытается поднять Нелли и вынести ее из комнаты. Его движения напоминают кошмарный танец.

Ему удалось дотащить ее до такси и довезти до ближайшей больницы. Но там все были очень заняты, ведь наступало рождество... Они едва взглянули на бедно одетого иностранца, у которого было с собой слишком мало денег. От чека они отказались. Он взял другое такси, бросился в другую больницу, но там произошло то же самое. Там выразили сожаление и дали адрес третьей больницы, где можно было попытаться счастья. Генрих уже не отпускал такси. Он помчался, не тратя времени, в эту третью больницу, где его приняли более внимательно... но сказали, что он привез Нелли слишком поздно. Нелли по дороге умерла.

Генрих и Нелли исчезают в темноте.

За несколько недель до этого я присутствовал на митинге по сбору средств для предвыборной кампании в пользу Рузвельта. На нем выступал американский гражданин Томас Манн. Речь его была втиснута между фокусником и какой-то чревоущательницей. И фокусник, и чревоущательница имели гораздо больший успех, чем Томас Манн. И все же сразу было видно, что Томас Манн пришелся по сердцу Америке. С тех пор, когда бы я ни думал об этой стране, передо мной возникали две картины — одну я видел, другую живо себе представлял.

Я видел Томаса, стоящего на белой трибуне, и я видел Генриха, рыдающего, испачканного рвотой, умоляющего врача в приемном отделении взглянуть на свою умирающую жену.

Сцена девятнадцатая

Хорват. Наконец война закончилась. (*Пауза.*) Мы проиграли. (*Пауза.*) Те из нас, кто не был по счастливой случайности убит, оказались лицом к лицу с проблемой: возвращаться ли на родину, чтобы жить вместе с теми, кто по тем или иным случайным причинам не успел нас в свое время убить. Большинство предпочло остаться в США. Лично я сумел кое-чего добиться. Купил себе маленькое ранчо. И даже обзавелся крохотным бассейном — этакой водяной дырой, в которой можно было барахтаться по кругу. К Америке я кое-как привык, примирился с ее трагическим неведением. Воодушевляющая волна послевоенного оптимизма скоро спала, и в Голливуде те, кто ратовал за либерализм, за участие во второй мировой войне и союзническую помощь, вдруг обнаружили — подчас с немалым удивлением, — что на них поглядывали как на скороспелых антифашистов, представителей «пятой колонны», ставленников красных, подрывных элементов, и даже (*понижив голос*) коммунистов...

Аккомпанементом для последней фразы служит «Прекрасная Америка». Через два такта музыка неожиданно переходит в «Интернационал».

(*Угрюмо ухмыляется.*) Нелепейшие подкомитеты росли повсюду как грибы! Идеалистов ставили к стенке! На поверхность всплывал Никсон! (*Успокаивается.*) Как видите, моя склонность к чудному и нелепому была полностью удовлетворена.

Музыка стихает.

Одним из первых, кого вызвали в Комитет по антиамериканской деятельности палаты представителей Соединенных Штатов, был...

Свет падает на Брехта, окруженного сигарным дымом.

...конечно, Бертольт Брехт. Ему удалось

их обмануть. Брехт уехал из Америки навсегда — долетел до Европы и там оказался на месте. Через некоторое время не избежал маккартистских глупостей и Томас Манн. Он решил уехать в Швейцарию, где с вполне подходящей высоты обозревал судьбу европейской культуры. Генриха Манна пригласили вернуться в Восточную Германию и стать президентом Немецкой академии искусств. Мне захотелось с ним попрощаться, и я поехал в Санта-Монику, где он, после смерти Нелли, перебрался в крохотную квартирку. Генрих, как я обнаружил, был во власти какого-то странного заблуждения.

Сцена двадцатая

Освещается маленькая комната, которая служит одновременно и спальней, и гостиной. Генрих страшно постарел, но, судя по всему, у него довольно хорошее настроение. Входит Хорват.

Генрих. Ну, конечно, это чрезвычайно почетный пост, но уж слишком много разных официальных обязанностей. Эта сторона дела меня пугает.

Хорват. Я уверен, что на самом деле все будет не так страшно.

Генрих. И в то же время от таких предложений не отказываются. Шутка ли: быть президентом Восточной Германии! Хорват. Я думал... *(Обрывает себя на полуслове.)*

Генрих. Ведь в тридцать втором году они тоже предлагали мне выставить свою кандидатуру на выборах против Гинденбурга и Гитлера. Я отказался. Мне казалось, что писателю нечего вмешиваться в политику. Я ошибался... На сей раз, по-видимому, нужно взяться за дело.

Хорват. Я совершенно с вами согласен.

Генрих. Говорят, я стал миллионером. В восточных марках, правда, но все же. Приятно умереть, сознавая, что ты миллионер.

Хорват. Еще бы.

Генрих. Я опять начал видеть старые эмигрантские сны.

Хорват. Да что вы? Что же вам снится?

Генрих. Что я в Берлине, меня узнают, арестовывают, куда-то тащат...

Хорват. А я вижу Вену.

Генрих. Мне страшно возвращаться. Я рассказывал вам когда-нибудь о моей первой жене... и дочери?

Хорват. Да...

Генрих. Их посадили в концлагерь... Из-за меня.

Хорват. Знаю.

Генрих. После того как их выпустили, Мими умерла... но моя дочь... Что я скажу ей при встрече? Провести столько лет в лагере Терезиенштадт!

Хорват. Я уверен, что она винить вас не станет.

Генрих. Почему все-таки нам так повезло? Вы знаете, что я еще вижу во сне? Очереди... Длинные очереди людей, полных отчаяния, у консульств в Марселе... Людей, ждущих целыми днями и получающих отказ... Почему мы избежали их участи? Чем мы, писатели, лучше других?

Хорват. Не знаю... не знаю...

Генрих. Как-то так получилось в жизни, что те, кого я больше всего любил, много страдали. Обе мои сестры, Нелли, мой племянник Клаус — все покончили с собой. Как вы думаете, что это значит? *(Пауза.)* Знаете, что самое удивительное? Когда моя сестра Карла умерла... а я в то время дорожил ею больше всего на свете... Случилось так, что гуляя в Тироле, я вдруг услышал ее голос... Так ясно, ясно... Она звала меня: Генрих... Генрих... Вернувшись в отель, я получил телеграмму. Она приняла такое количество цианистого калия, что его хватило бы на целую роту солдат... Но я действительно слышал ее голос. В это трудно поверить, но это — правда.

Хорват. Да нет, почему же. Я вам верю.

Генрих. После этого всю мою жизнь я слышал... голоса, звавшие меня издалека. А я ничем, ничем не мог им помочь. *(Пауза.)* Наверное, с Нелли ничего бы не случилось, останься она в Европе. Только она не могла остаться. Боялась, что они узнают... Ведь она была еврейка.

Хорват. Что?!

Генрих. Еврейка. Крёгер был ее отчимом. Фамилия настоящего отца — Тропловиц. Он был еврей, родом из Галиции.

Хорват изумленно качает головой. Слышна спокойная, тихая музыка.

После первой нашей встречи я уехал из

Германии. Мы с ней попрощались. Она осталась, как прекрасное воспоминание, причинившее нескончаемую боль. Однажды днем, в своем кабинете в Бандоль-сюр-мер, во Франции, я сидел и работал, как вдруг послышался шум. Я обернулся. В дверях стояла Нелли — она выбралась из Германии через Данию. Деньги накопила, кажется, на чаевых. А ведь я уже был немолод. Никогда никто в моей жизни не преподносил мне такого дивного подарка...

Хорват (*встает, идет к рампе*). Он продолжал говорить о Нелли почти целый час. Затем я ушел. Сердце ныло от тупой боли... Как будто я потерял то, чем никогда в жизни так и не владел.

Генрих *встает и направляется к большому шкафу, открывает его. В шкафу висят женские платья. Он гладит их рукой, наконец выбирает ярко-красную блузку. С нежностью раскладывает ее на постели. Раскинув руки, прижимается к блузке щекой и затихает. Свет в комнате медленно гаснет.*

Хорват. Генрих так и не добрался до Европы. Прошло недели две. Проведя весь вечер наедине с дивной музыкой Пуччини, он лег спать, для того чтобы никогда не проснуться... Зять Томаса Манна назвал тридцатые годы «низкой, бесчестной декадой». Наступившие пятидесятые оказались не лучше. Черные списки, вопреки моим наивным ожиданиям, неуклонно составлялись и приняли государственно-санкционированный масштаб. Постепенно наши американские коллеги оказались перед лицом того же выбора, который был столь мучителен для всех нас в Европе перед началом второй мировой войны.

Сцена двадцать первая

В круг света входит чрезвычайно расстроенная Элен Шварц. Хорват обнимает ее. Освещается квартира Элен. Хорват ведет ее в комнату. Она одета официально: костюм и шляпа. Хорват наливает большой бокал виски со льдом. Элен оглядывается вокруг, не зная куда сесть. Наконец, снимает шляпу, бросает ее на стул. Хорват подает ей бокал, и она отпивает большой глоток. Оба молчат; слы-

шен только стук кубиков льда о стенки бокала, так как у Элен дрожат руки.

Хорват. Все кончено.

Элен. Ты прав. (*Отпивает виски.*)

Хорват. Разве ты не чувствуешь облегчения?

Элен. Наверное, чувствую. Но подумать только... провести столько дней и бессонных ночей, готовясь, борясь со все растущим чувством страха... и пробыть там не более двух минут. Уж если они вознамерились разрушить чью-нибудь судьбу, то, кажется, нужно хотя бы вложить в это побольше усилий. Оскорбительно, когда никто даже не старается скрыть, что ты для них обыкновенный червь. (*Садится, ставит бокал на стол. Тихим, невыразительным голосом.*) Я больше не найду себе работы. (*Беззвучно плачет.*)

Хорват (*наклоняется и обнимает ее*). Чепуха, конечно, найдешь.

Элен. Нет. На студии не стали дожидаться результатов. Как только узнали о повестке, тут же выгнали.

Хорват. Ведь знали же, что ты имен не назовешь!

Элен. Господи Иисусе Христе! Да разве можно!

Хорват. Конечно, можно. Когда хочешь сохранить бассейн, горничную, абонемент в гольф-клуб, жену.

Элен. И для этого клеветать на друзей!.. О, господи!

Хорват (*целует ее*). Я восхищаюсь тобой. Ты так мужественно себя вела! (*Встает, ходит по комнате.*) Что ты собираешься теперь делать?

Элен. Не знаю. (*Пауза. Смотрит на Хорвата.*) У меня теперь нет ничего, кроме тебя.

Длительное молчание.

Хорват (*отводя глаза*). То, что ты сегодня сделала... (*Замолкает.*)

Элен. Продолжай.

Хорват. Я сравниваю твой поступок со своим. Я...

Элен. Что ты хочешь сказать?

Хорват. Слушай! Есть кое-что, о чем я никогда тебе не говорил.

Элен. Не надо...

Хорват. Нет надо... (*Собирается с духом.*) В тридцать четвертом году я стал членом Союза немецких писателей.

Сцена двадцать вторая

Элен. Ну и что? Не понимаю.. (*Выражение ее лица меняется.*) Когда? В тридцать четвертом?!

Хорват. Да. Правильно сказать: Союза нацистских писателей.

Элен. Ничего не понимаю. Почему?!

Хорват. Иного выхода не было... Хотелось печататься.

Элен. А-а...

Хорват. Это еще не все. Нужно было дать присягу, что в роду до третьего колена включительно у меня не было ни одного еврея.

Элен. Не нужно мне все это рассказывать, пожалуйста.

Хорват. Нет. Я хочу, чтобы все стало ясно. Я должен был представить свидетелей, подтверждающих мою политическую благонадежность. Я попросил старого кретина профессора, написавшего книгу «Адольф Гитлер. Его жизнь и воля». Он заявил, что я... абсолютно благонадежен. (*Пауза.*) Так что мой сапог тоже топтал лица твоих близких. (*Долгая пауза.*) Единственное, что я могу сказать в свое оправдание, — я никогда не платил членских взносов... Через два с половиной года они меня вышвырнули вон. Все, что я написал в те годы, было сущее дерьмо.

Элен. Не понимаю, как можно было на это пойти.

Хорват. Ты читала «Смерть в Венеции»?

Элен. Конечно.

Хорват. Ситуация была сходной. Я не мог покинуть пораженный чумой город. Меня удерживали не красота и не невинность... Я был захвачен гротеском, триумфом тупости и безобразия. (*Пауза.*) Конечно, это не оправдание. (*Пауза.*) Мне нужно было сказать тебе об этом раньше... Все эти годы я носил камень на сердце.

Элен (*встает, ходит по комнате, приближается к Хорвату, садится рядом с ним, берет его за руку*). Все это не имеет никакого значения! (*Целует его.*)

Хорват (*прижимает ее к себе*). Имеет. (*Медленно освобождается и идет к рампе.*)

Элен исчезает в темноте.

Так и случилось. Ровно через месяц Элен уехала в Нью-Йорк. Но еще до самого отъезда она стала так далека от меня, как будто нас разделяли моря и горы.

Хорват. Лос-Анджелес превратился в настоящий город призраков. Я вдруг понял, что стою и наблюдаю, как расползается повсюду яд. Ощущение было не новым. Я его испытывал раньше. Начался тринадцатый год моего пребывания в Голливуде. А я всегда был склонен к суеверию. Мне захотелось вернуться в театр. В ящике стола лежали четыре непоставленные пьесы... Я стал готовиться к отъезду в Европу, как вдруг мне предложили работу. Ничего интересного, разумеется, — просто продолжение очень скучной, но поразительно популярной комедии «Для Бонзо время спать!». Подумав, я решил, что возвращаться домой с полным карманом как-никак лучше, чем с пустым... В тот день я встал рано. Хор птиц распевал всюду. Все утро был густой туман... Долину покрывала зеленоватая дымка. Мой старый «Студебеккер» был, как всегда, сломан, поэтому я взял такси и, уже опаздывая, поехал в Бель-Эр.

Освещается сад особняка. Виден край бассейна. Хозяин — его зовут Арт Найсли — сидит в шезлонге и ждет с выражением вежливой скуки на лице. Ему около пятидесяти лет, похож на римского патриция. Загорелый, стройный, ухоженный, с вьющимися седыми волосами. Одет в майку и купальные трусы, увидев спешащего по газону Хорвата, встает, здоровается, приглашает его сесть.

Хорват (*садится, снимает шляпу и бросает ее на траву*). Извините, я опоздал.

Найсли делает пренебрежительный жест, садится.

Я сделал ошибку. Попросил шофера остановиться у парадного подъезда.

Найсли. О, вам пришлось долго идти!

Хорват. Пришлось. (*Пауза.*)

Найсли (*украдкой посмотрев на часы*).

Ну, так вы успели подумать о нашем проекте?

Хорват. Конечно.

Найсли (*любезно*). И что? Идеи есть?

Знаю, писать продолжение не так интересно, как работать с самого начала.

Но вместе с тем это дисциплинирует...

Хорват. Безусловно.

Найсли. О'кей. Так что?

Хорват. Я думал... правда, долго думал... хотелось найти какой-то новый поворот... Мне кажется, герой должен влюбиться в шимпанзе...

Найсли (*в недоумении*). Вы серьезно?

Хорват. Абсолютно.

Найсли. Вы хотите, чтобы он влюбился... в шимпанзе?!

Хорват. Да. По-моему, это было бы очень любопытно.

Найсли. Ну, что же, Эд. Спорить не стану. Это, может быть, даже слишком любопытно. А что скажет босс?

Хорват. Да вы не волнуйтесь. Конец нормальный.

Найсли. Каким образом?

Хорват. Герой на шимпанзе женится.

Найсли хохочет. Хорват улыбается.

Найсли. По-моему, вы этот фильм делать не хотите. Я прав?

Хорват. Правы.

Найсли. Знаете, я вас не осуждаю.

Хорват. Но мне нужны деньги...
(Пауза.)

Найсли (*вновь смотрит на часы, на этот раз открыто*). Дайте мне время подумать. Хотите выкупаться?

Хорват. Что?

Найсли. Боюсь, мне пора идти. Не хотите поплавать?

Хорват. О'кей. Конечно. У меня бассейн такой крохотный. Я плаваю, загребая одной рукой.

Найсли. Все необходимое в кабинете. Сколько времени вам нужно?

Хорват. С вашего разрешения, минут двадцать.

Найсли (*любезно*). О'кей. Я пришлю за вами своего шофера через полчаса. Он вас отвезет куда вам нужно.

Хорват. Спасибо.

Найсли. Рад был вас повидать. Я с вами свяжусь. (*Прощается, уходит.*)

На сцене возникает эффект «подводного царства», который мы видели в начале пьесы.

Хорват (*в луче света*). Сказать по правде, я чувствовал себя в довольно глупом положении. Но было жарко, бассейн выглядел очень привлекательно. Я не торопясь переделся в кабине и тихо вошел в воду...

Появляется молодой человек из пер-

вой сцены. На нем черная форма, в руке остроконечная фуражка. Передвигаясь с большой осторожностью, он надевает фуражку, черные очки, медленно застегивает пуговицы черных блестящих кожаных перчаток. Тихо направляется к центру сцены.

Поплескавшись немного, я решил поплавать как следует. Не успел я взмахнуть руками раза три, как со всей силой ударился головой об угол мраморной лестницы, почему-то спускавшейся до самой середины бассейна. В глазах потемнело. Я изо всех сил пытался выплыть на поверхность. На виске зияла огромная рана, из нее хлестала кровь... И вдруг, неожиданно, через какое-то отверстие, светившееся сверху, я увидел кроны деревьев, красивые, увитые плющом, стены... Это было похоже на рай. Рай из чьих-то неизвестных снов. Наступило странное ощущение покоя. Когда появился шофер, будто сошедший с последней картины Кокто, я лежал неподвижно и покойно на самом дне бассейна. Где-то наверху сияло яркое, жаркое солнце, освещая лучами библейский город Лос-Анджелес. Но я, дорогие друзья, был мертв. (*Исчезает в темноте.*)

Молодой человек в черной форме внимательно смотрит в воду. Его лицо совершенно бесстрастно. Свет медленно гаснет. Наступает полная темнота.

Занавес